ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
ПОЛ АНДЕРСОН
Щит Времени
АЗБУКА

Патруль Времени

Пол Андерсон

Щит Времени (сборник)

«Азбука-Аттикус»
1990, 1995

Андерсон П. У.

Щит Времени (сборник) / П. У. Андерсон — «Азбука-Аттикус», 1990, 1995 — (Патруль Времени)

После нескольких сложнейших заданий Мэнс Эверард, оперативный агент Патруля Времени, отправляется в плейстоцен, во времена мамонтов и пещерных львов, чтобы сменить обстановку и отдохнуть, и неожиданно для себя выясняет, что вся земная история с середины XII века драматическим образом изменилась. В новом мире не было Ренессанса, инквизиция душит науку и пресекает любые попытки людей мыслить самостоятельно, Новый Свет практически не освоен. О каком отдыхе может быть речь, если в мире произошло такое. И агент Патруля Времени делает все возможное, чтобы повернуть колесо истории и вывести цивилизацию из тупика…Кроме романа «Щит Времени», в книгу включена повесть «Смерть и рыцарь», впервые переведенная на русский язык.

© Андерсон П. У., 1990, 1995
© Азбука-Аттикус, 1990, 1995

Содержание

Щит Времени (роман) 7
Часть первая 7
1987 год от Рождества Христова 7
Часть вторая 11
1985 год от Рождества Христова 11
209 год до Рождества Христова 14
1987 год от Рождества Христова 19
209 год до Рождества Христова 23
976 год до Рождества Христова 27
209 год до Рождества Христова 30
1987 год от Рождества Христова 41
209 год до Рождества Христова 47
1988 год от Рождества Христова 57
209 год до Рождества Христова 61
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Пол Андерсон
Щит Времени (сборник)

Poul Anderson
THE SHIELD OF TIME
Copyright © 1990 by Poul Anderson
DEATH AND THE KNIGHT
Copyright © 1995 by Poul Anderson
All rights reserved

© А. Кириченко, перевод, 2015
© Г. Корчагин, перевод, 2015
© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Представлять Пола Андерсона не нужно. Как имена Азимова, Брэдбери, Гаррисона, Шекли, Хайнлайна, имя Андерсона знакомо всякому, кто мало-мальски ориентируется в фантастике. Лауреат всех возможных фантастических премий, включая «Хьюго» (семь раз!!!), «Небьюлу» (трижды), Мемориальную премию Джона Р. Р. Толкина, обладатель звания грандмастера фантастики, автор более чем семидесяти романов, огромного числа рассказов и повестей, создатель незабываемых образов Николаса Ван Рийна, космического торговца, и Доменика Фландри, агента Земной империи, Андерсон вошел в фантастику в конце 40-х годов XX века, жил в фантастике до перемещения в мир иной летом 2001 года, сделал для фантастики невероятно много.

> Интересно представить, как развивался бы наш мир, если бы не было царя Кира, если бы Америку раньше европейцев колонизировали монголы и китайцы, если бы Ганнибал разрушил Рим. Это то, что больше всего увлекло меня в этих рассказах еще в детстве и стало, по сути, моим знакомством с альтернативной историей.
>
> Цикл нравится именно тем, что за героев искренне переживаешь и автор сумел аргументировать то, почему события должны происходить в романе так и не иначе… Плюс ко всему цикл пропитан приключениями и живыми человеческими чувствами. Читать стоит, и не один раз.
>
> Классика жанра. Лучше Андерсона на эту тему никто не писал. Можно читать и перечитывать. А для меня самое главное – Андерсон очень хорошо показал, на какой хрупкой ниточке висит наша цивилизация, и как легко все потерять и разрушить, и как много тех, кому этого хочется.
>
> Цикл, который прочитал в самиздате еще году в 88-м, сидя в казарме. Ух как мне тогда понравилось! До сих пор, когда читаю произведения о Патруле Времени, сравниваю их с Андерсоном. Вроде как личный эталон получился.

Этот цикл был первым, что я прочитал у Андерсона. Было это более 20 лет назад, но запомнилось, как прочитанное сегодня. Андерсон – настоящий Мастер.
Из отзывов на Fantlab.ru

Щит Времени (роман)

Часть первая
Незнакомец у твоих ворот

1987 год от Рождества Христова

Возвращение в Нью-Йорк в тот же самый день, когда он его покинул, возможно, было ошибкой. Даже здесь стояла прекрасная весенняя пора. В такие сумерки не сидят в одиночестве, предаваясь воспоминаниям. Дождь слегка освежил воздух, и в открытые окна влетал нежный запах весенних цветов и зелени. Огни, струившиеся внизу, и шум улицы создавали впечатление, что под стенами дома течет река. Мэнсу Эверарду захотелось выйти из дома.

Он мог бы отправиться в Центральный парк, прихватив на всякий случай парализующий пистолет. Ни один полицейский этого века не примет его за боевое оружие. После разгула насилия, свидетелем которого недавно стал Мэнс, лучше пройтись по какой-нибудь спокойной аллее и завершить прогулку в одном из знакомых кабачков, посидев там за пивом в приятной компании. Приди ему в голову идея уехать прочь, в его распоряжении был темпороллер в штабе Патруля, оставалось только выбрать подходящую эру и точку на планете Земля. Агент-оперативник никому не обязан отчитываться о своем решении. Но что поделаешь, он оказался в западне, подстроенной ему телефонным звонком. Мэнс, не выпуская изо рта ароматно дымящуюся трубку, мерил шагами густеющий мрак квартиры и время от времени бранил себя. Какая нелепость – поддаваться настроению. То, что после активной работы испытываешь усталость, – это естественно, однако он уже провел две необременительные недели в Тире, где правил Хирам, и завершил все дела, связанные с его миссией. Что касается Бронвен, то он обеспечил ее до конца жизни, и возвращение к ней могло лишь разрушить состояние благополучия, обретенное ею; календарь указывал на то, что Бронвен погребена под пылью двадцати девяти столетий, так что и дело с концом.

Звонок в дверь вернул его к действительности. Мэнс включил свет и зажмурился от неожиданно яркой вспышки, затем впустил гостя в дом.

– Добрый вечер, агент Эверард, – поздоровался вошедший мужчина по-английски с едва уловимым акцентом. – Гийон. Надеюсь, что не застал вас в неурочное время.

– Нет-нет, я ведь не отказался от встречи, когда вы позвонили мне.

Они пожали друг другу руки. Эверард вдруг подумал, а был ли принят этот жест в родном Гийону окружении. Из каких времен и краев явился пришелец?

– Проходите.

– Видите ли, я полагал, что сегодня вы захотите разделаться с мирскими заботами, а завтра, может быть, отбыть на отдых, вернее, на каникулы, как говорите вы, американцы. В какое-нибудь благословенное местечко. Я мог бы, конечно, побеседовать с вами и после вашего возвращения, но тогда воспоминания утратят живость. К тому же, признаться, мне хотелось познакомиться с вами. Может быть, вы позволите пригласить вас на ужин в ресторан? Какой вам нравится?

С этими словами Гийон вошел в комнату и устроился в кресле. Он был неброской внешности, невысокий, худощавый, в сером заурядном костюме. Голова большая, но лицо его, смуглое, с тонко вылепленными чертами, при ближайшем рассмотрении не соответствовало ни одной из рас, живущих ныне на планете.

Эверард гадал, какие силы скрывает улыбка гостя.

– Спасибо, – отозвался он.

На первый взгляд мелочь. Подумаешь, пригласил. Агент Патруля Времени и без того распоряжается неограниченными средствами. Но на самом деле предложение значило много. Гийон готов был потратить на него время из личной продолжительности жизни.

– А если мы немного отложим наш серьезный разговор? Не выпить ли нам для начала?

Заказ принят. Эверард налил шотландского виски с содовой для обоих. Гийон не возражал против дыма его трубки. Эверард опустился в кресло.

– Позвольте еще раз поздравить вас с достижениями в Финикии, – произнес посетитель. – Потрясающе.

– У меня была отличная команда.

– Действительно. Но она имела первоклассного лидера. И подготовительную работу вы провели в одиночку, рискуя собой.

– Вы пришли ко мне ради этого? – требовательно произнес Эверард. – Я ведь довольно подробно отчитался. Вы наверняка уже ознакомились с моим докладом. Не знаю, что еще я могу рассказать вам.

Гийон уставился в приподнятый стакан, словно в нем лежали не кусочки льда, а дельфийский кубик для гадания.

– Возможно, вы опустили некоторые детали, на ваш взгляд не имеющие отношения к делу, – пробормотал он.

Мелькнувший хмурый взгляд собеседника не ускользнул от внимания Эверарда. Гийон поднял свободную руку:

– Не беспокойтесь. Я не намерен вторгаться в ваши личные дела. Оперативник, равнодушный к существам человеческим, просто… неполноценен. Бесполезен или даже опасен. Но наши чувства неприкосновенны до тех пор, пока мы не позволяем им мешать выполнению служебных обязанностей.

«Как много он знает или подозревает?» – гадал Эверард. Печальный, короткий роман с кельтской девушкой-рабыней, заранее обреченный из-за временно́й бездны между их появлением на свет; хлопоты по ее освобождению и замужеству, прощание. «Впрочем, сам я спрашивать не стану… Еще узнаешь то, о чем знать совсем не хочется…»

Эверарда не поставили в известность о том, что нужно Гийону и зачем, он знал лишь, что у него, по крайней мере, такие же полномочия; может быть, выше. В Патруле, за исключением его низших эшелонов, отсутствовали строгие уставные отношения и формальная подчиненность. Сама суть Патруля исключала иерархию. Его структура была гибче и прочнее любой регламентированной системы. Похоже, только данеллиане полностью понимали ее.

Голос Эверарда, однако, обрел резкость.

– У агентов-оперативников достаточно широкие полномочия. – Он не просто формулировал очевидное.

– Само собой разумеется, – отозвался Гийон с коварной покорностью. – Я лишь надеюсь собрать некоторые крупицы информации о том, что вам довелось испытать. А потом, пожалуйста, наслаждайтесь честно заработанным отдыхом. – И совсем вкрадчиво: – Позвольте спросить, входит ли в ваши планы встреча с мисс Вандой Тамберли?

Эверард так вздрогнул, что чуть не выплеснул спиртное.

– Что?!

«Возьми себя в руки. Перехвати инициативу», – тут же подумал он.

– Так вы пришли затем, чтобы поговорить о ней?

– Ведь это вы дали ей рекомендацию.

– После чего она прошла предварительные испытания.

– Разумеется. Но вы встретили ее в тот момент, когда она попала в ту самую перуанскую историю. Короткое, но страстное и запоминающееся знакомство. – Гийон усмехнулся. – С той поры ваши отношения стали ближе. Это ни для кого не секрет.

– Не велика тайна, – огрызнулся Эверард. – Она очень молода. Но я, так сказать, считаю ее своим другом. – Он помолчал немного. – Протеже, если вам угодно.

«Мы и встречались-то всего два раза, – подумал Эверард. – Потом я уехал в Финикию, поездка унесла из моей жизни недели… И вот я вернулся в ту же весну, когда мы с ней впервые оказались вдвоем в Сан-Франциско».

– Да, я непременно увижусь с ней, – добавил Эверард. – Но у нее много других забот. Возвращение в сентябре на Галапагосские острова, откуда ее похитили, затем возвращение домой обычным путем и несколько месяцев на то, чтобы уладить все дела в двадцатом веке и исчезнуть, не вызвав у окружающих никаких вопросов. Но какого черта я повторяю то, что хорошо вам известно и без меня?

«Видимо, размышляю вслух, – подумал Эверард. – Ванда, конечно, не Бронвен, но она может, сама о том не подозревая, помочь мне забыть Бронвен. Как мне и следовало поступить уже давным-давно…»

Эверард не был склонен к самоанализу. Он вдруг осознал, что для душевного покоя ему нужен не очередной роман, нужно лишь побыть немного рядом с молодостью и невинностью. Словно истомленному жаждой человеку, ищущему источник высоко в горах… Потом он вернется к своей привычной жизни, а Ванда будет искать себя на новом пути, в Патруле.

По коже пробежал холодок. «А вдруг ее не примут?»

– Почему, собственно, она вас интересует? Вы занимаетесь подбором кадров? Кто-то выразил сомнения по поводу мисс Тамберли?

Гийон покачал головой:

– Напротив. Психоисследования аттестовали ее прекрасно. Последующие проверки будут чисто формальными – просто чтобы помочь ей с профессиональной ориентацией и подготовить к первым полевым заданиям.

– Хорошо.

Эверард немного успокоился. Пожалуй, он слишком много курит. Глоток виски терпкой прохладой разлился по языку.

– Я упомянул ее просто потому, что ваша судьба перекликается с событиями, в которых замешаны экзальтационисты, – сказал Гийон. Голос его звучал приглушенно, словно бы скучающе. – Прежде вы и ваши соратники помешали их попыткам подорвать карьеру Симона Боливара. Спасая мисс Тамберли, которая, кстати, довольно умело защищала себя сама, вы предотвратили похищение экзальтационистами выкупа Атауальпы и тем самым – изменение истории испанского завоевания Латинской Америки. Теперь вы спасли от них древний Тир и пленили почти всех, кто уцелел в ходе операции, включая Меро Варагана. Отличная работа. Тем не менее задача пока не выполнена до конца.

– Верно, – прошептал Эверард.

– Я здесь для того, чтобы… прочувствовать обстановку, – сказал Гийон. – Я не могу точно сформулировать, чего я добиваюсь, даже если заговорю на темпоральном языке.

Он продолжал прежним тоном, но уже без улыбки, и в его бегающем взоре появилось что-то пугающее.

– Происшедшее укладывается в прямолинейную логику не более, чем сама концепция изменчивой реальности. И «интуиция», и «откровение» – оба эти слова совершенно неадекватны. Вот я и стремлюсь… найти иной способ постижения.

Повисло молчание. Казалось, что даже шум города за окном стал тише.

– У нас неофициальный разговор. Я лишь пробую уловить чувства, воспоминания, какие вызывает у вас опыт работы. И все. После этого вы вольны отправляться куда угодно. Но судите

сами. Может ли быть чистой случайностью, что вы, Мэнсон Эверард, трижды участвовали в операциях против экзальтационистов? Только однажды вы выступили с предположением, что именно они ответственны за отклонения в истории. Тем не менее вы стали Немезидой для Меро Варагана, который, теперь я могу это признать, держал среднее звено Патруля в страхе. Случайно ли это? Случайно ли то обстоятельство, что Ванда Тамберли была втянута в водоворот событий как раз в тот момент, когда ее родственник, без ведома Ванды, уже работал в Патруле?

– Он-то как раз и стал причиной того, что она…

Эверард умолк. У него похолодело внутри. Кто этот человек в действительности? Чем он занимается?

– Именно поэтому нам хочется получше узнать вас, – сказал Гийон. – Не вторгаясь в вашу личную жизнь, я надеюсь получить ключ к тому, что мы – весьма условно – называем гиперматрицей континуума. Благодаря этим данным мы могли бы напасть на след последних экзальтационистов. Они отчаянны и мстительны, как вы знаете. Мы обязаны выследить их.

– Понимаю, – выдохнул Эверард.

Кровь ударила ему в голову. Он едва расслышал заключительную фразу Гийона:

– Но пожалуй, гораздо более серьезное значение имеют направление и исход…

И вряд ли заметил, как Гийон оборвал себя на полуслове, словно боялся проговориться о чем-то важном. Эверард, подобно гончей, возвращался назад, пытаясь отыскать след, всматривался вперед, понимая, что нужно не в засаде сидеть, а завершать охоту.

Часть вторая
Женщины и лошади, власть и война

1985 год от Рождества Христова

Здесь, где созвездие Медведицы нависло так низко, ночь пронзала холодом до костей. Днем горы скрывали горизонт, заслоняя его скалами, снегом, облаками. Мужчина, задыхаясь, брел по горному кряжу, чувствуя, как осыпаются под сапогами камни, и изнемогая от невозможности вздохнуть полной грудью. Горло его пересыхало все сильнее. Еще страшили пуля или кинжал, которые с наступлением темноты могли лишить его жизни на этой пустынной земле.

Капитан предстал перед Юрием Алексеевичем Гаршиным, подобно ангелу из рая, как его описывала бабушка. Случилось это на третий день после того, как он попал в засаду. Юрий шел на северо-восток, в основном вниз по склону, хотя ему казалось, что каждый шаг уводит его вверх, придавливая тяжестью земли. Где-то там находился лагерь. Спальный мешок дарил Гаршину минуты отдыха, но ужас снова и снова толкал его в путь, полный не менее страшного одиночества. Помня о скудности пайка в вещмешке, он слегка перекусил, и царапающее нутро чувство голода чуть притупилось. Но все равно становилось тяжелее и тяжелее. Воды, чтобы наполнить флягу, вокруг было предостаточно – источники и растопленный снег, – но не на чем было подогреть ее. Самовар в родительском доме казался полузабытой мечтой – колхоз, задорные песни над полями ржи, бесконечный ковер луговых цветов, по которому он гулял рука об руку с Еленой Борисовной. Здесь же скалы украшал только лишайник, колючие худосочные кустики цеплялись за камни, да торчали кое-где пучки бледной травы. Единственным звуком, помимо его шагов, дыхания и биения пульса, был ветер. Высоко в небе в потоке ветра парила неизвестная Гаршину громадная птица. Стервятник, ждущий его смерти? Нет, эти наверняка пируют над его товарищами…

На его пути вырос утес. Гаршин пошел в обход, размышляя, насколько отклонился от верного пути к своим. Неожиданно он увидел за скалой человека.

Враг! Гаршин схватился за калашников, перекинутый через плечо. Но тут же в мозгу мелькнуло: «Нет! Наш! Форма наша!» Его обдало теплой слепящей волной. Колени подогнулись.

Когда Юрий пришел в себя, незнакомец подошел ближе. Мужчина был в чистой аккуратной форме. В лучах горного солнца ослепительно сверкали офицерские знаки различия. На спине висели ранец и скатка спального мешка. Из оружия у него был только пистолет, но офицер шагал смело и бодро. Совершенно очевидно, что это не солдат правительственных войск Афганистана, одетый в форму, поставленную союзниками. Подтянутая крепкая фигура, светлокожее лицо, скуластое, но немного скошенное к вискам, карельские глаза.

«Похоже, он откуда-нибудь с Ладожского озера, – рассеянно подумал Гаршин. – А я тут тяну армейскую лямку, выжидая конца этой несчастной войны, чтобы вернуться домой. Если, конечно, выживу».

Дрожащей рукой он отдал честь.

Офицер остановился примерно в метре от него. Гаршин разглядывал капитанские звездочки.

– Как вы здесь оказались, рядовой?

Взор капитана пронзал, как ветер в пору заката. Тон тем не менее неприязненным не был, говор звучал по-московски, тот самый русский язык, который чаще всего приходилось слышать после призыва в армию, только сейчас на нем говорил более образованный человек.

– Р-р-разрешите, товарищ… – Неожиданное, беспомощное, заикающееся бормотание. – Рядовой Юрий Алексеевич Гаршин!

Запинаясь, он назвал свою часть.

– Итак?

– Мы были… наша группа, товарищ капитан… в разведке на горной тропе. Вдруг взрыв, автоматная пальба, и вокруг стали падать замертво люди…

…Сергею тогда размозжило голову, а самого его отшвырнуло, будто тряпичную куклу, потом грохот, дым и клубы пыли, и ты ползешь по-пластунски, в ушах такой оглушающий шум, что ничего не слышишь, а во рту противный привкус лекарства…

– Я увидел… бандитов… нет, одного, бородатого в тюрбане, он хохотал. Они меня не заметили. Я спрятался за кустом, а они были слишком заняты, добивая штыками раненых.

Несмотря на то что в желудке у Гаршина было пусто, он почувствовал приступ рвоты. Горло саднило.

Капитан стоял над ним, пока не стихли конвульсии и не отпустила боль.

– Попейте немного, – предложил офицер. – Прополощите рот, сплюньте. Теперь глотайте, только чуть-чуть.

– Слушаюсь! – подчинился Гаршин. Ему стало легче. Он попытался встать.

– Посидите пока, – произнес капитан. – Досталось вам, ничего не скажешь. У моджахедов теперь и ракетные установки, и скорострельное оружие. Вы скрылись, когда они убрались восвояси?

– Т-так точно. Но не дезертировал или что-нибудь подобное, а…

– Знаю. В этой ситуации вам не оставалось ничего другого. Более того, ваш долг и состоял в том, чтобы вернуться на базу и доложить о случившемся. Вы не решились идти тем же путем. Слишком рискованно. Вы карабкались вверх. Вы пребывали в состоянии оцепенения. Когда пришли в себя, поняли, что сбились с дороги. Так?

– По-моему, так. – Гаршин поднял глаза на склоненную над ним фигуру. Она темнела на фоне неба, как нечто инородное, как утес.

Гаршин снова начал соображать и почувствовал, как пальцы его сжимаются в кулаки.

– А как здесь очутились вы, товарищ капитан?

– У меня спецзадание. Вы не должны упоминать обо мне без моего на то разрешения. Ясно?

– Так точно. Но… – Он сел, выпрямив спину. – Вы говорите так, словно знаете… о моей группе почти все.

Капитан кивнул:

– Я шел по вашим следам и восстановил события. Мятежники скрылись, но тела остались на поле боя, их мародерски обобрали. Я не смог похоронить погибших.

Он не стал распространяться о «славе и геройских подвигах». Гаршин не мог понять, радует это его или огорчает. Удивительно, что офицер вообще снизошел до таких объяснений перед солдатом.

– Мы можем послать группу за телами убитых, – сказал Гаршин. – Если наши узнают о случившемся.

– Конечно. Я помогу вам. Уже лучше? – Капитан протянул ему руку.

Солдат поднялся на ноги, отметив про себя, насколько тверда рука офицера. Он почувствовал, что довольно прочно держится на ногах.

Гаршин чувствовал, как его ощупывают чужие глаза. Слова падали размеренно, как удары молота в руках опытного мастера.

– Должен отметить, рядовой Гаршин, что наша случайная встреча удачна для нас обоих и для всех остальных. Я могу направить вас к базе. Вы должны будете доставить туда одну чрезвычайно важную вещь, заниматься которой у меня нет времени.

Прямо ангел небесный. Гаршин обратился в слух.

– Так точно, товарищ капитан!

– Прекрасно! – Капитан все еще пристально смотрел на рядового.

Облака, клубившиеся вокруг двух вершин вдалеке, то плотно укрывали, то обнажали горные пики. У подножия клонились под ветром редкие кустики.

– Расскажите мне, молодой человек, о себе. Сколько вам лет? Откуда родом?

– Д-девятнадцать, товарищ капитан. Из колхоза под Шацком. – Затем смелее: – Вряд ли вам это что-нибудь говорит. Ближайший к нам город – Рязань.

Капитан вновь кивнул:

– Понятно. Вы кажетесь мне смышленым, преданным делу и, надеюсь, должным образом отнесетесь к моей просьбе. Нужно лишь передать обнаруженный мною предмет по назначению. Возможно, это очень важная находка. – Офицер продел большие пальцы под лямки вещмешка. – Помогите снять. Вещица там.

Сняв мешок, они опустили его на землю и присели на корточки. Капитан раскрыл мешок и вытащил коробочку. Он по-прежнему был словоохотлив, что совсем не принято у офицеров в отношениях с солдатами, хотя временами Гаршину казалось, что капитан беседует сам с собой, вглядываясь во что-то такое, что ему, Гаршину, не дано видеть.

– Это очень древняя земля. История предала забвению всех людей, которые владели ею, приходили и покидали ее, боролись и умирали, жили здесь из века в век. Последние пришельцы – мы. Наша война непопулярна ни здесь, ни во всем мире. Не давая ни положительной, ни отрицательной оценки этой войне, можно с уверенностью сказать, что она опаляет нас так же, как в свое время обожгла война во Вьетнаме американцев. Вы тогда были еще ребенком. Но если мы сумеем стяжать хотя бы немного славы, приобрести крупицу чести, разве это не послужит нашей родине? Разве это не служба во имя отечества?

По спине солдата пробежал холодок.

– Вы говорите, словно профессор, товарищ капитан, – прошептал он.

Офицер пожал плечами. Голос его поскучнел.

– Какая разница, чем я занимался на гражданке? У меня много интересов. Я набрел на место, где вы оказались в засаде, и среди всего того, что я там обнаружил, был вот этот предмет. Афганцы, видимо, не заметили его. Они торопились, да и что взять с темных обитателей этого племени? Вещица, должно быть, долгие годы пролежала в земле, пока осколок ракеты не вырвал ее на поверхность. Рядом с моей находкой лежали еще какие-то предметы – из металла и кости, – но мое внимание привлек только этот. Вот он. Возьмите.

Капитан вложил коробочку в руки Гаршина. Сантиметров тридцать в длину, около десяти в ширину, зеленовато-серого цвета, покрытая окисной пленкой (бронза?), она прекрасно сохранилась благодаря высокогорной сухости воздуха. Крышка была залита пломбой из смолистого вещества, на которой можно было различить следы печатки. На металлической поверхности просматривались очертания каких-то фигур.

– Осторожнее! – предупредил капитан. – Она очень хрупкая. Ни в коем случае не давите на шкатулку. Ее содержимое – я полагаю, это документы – может рассыпаться в прах, если вскрыть коробочку без строгого контроля специалистов. Вам все ясно, рядовой Гаршин?

– Да… Так точно, товарищ капитан.

– Как только вернетесь на базу, немедленно доложите сержанту, что вам необходимо видеть командира полка. Это настолько важное задание, что вы обязаны отчитаться только ему одному.

На лице солдата появилось испуганное выражение.

– Но, товарищ капитан, все, что я могу сказать… это…

– Вы должны вручить шкатулку командиру полка, чтобы она не затерялась где-нибудь у чиновников. Полковник Колтухов, в отличие от большинства его коллег, не безмозглый солда-

фон. Он во всем разберется и поступит надлежащим образом. Просто расскажите ему правду и отдайте шкатулку. Даю слово, что вы не пострадаете. Колтухов будет спрашивать мое имя и прочие подробности. Скажите, что я не назвал своего имени: мне поручено очень секретное задание, и все, что я вам о себе сказал, неправда. Командир может сообщить обо мне в ГРУ или КГБ, пусть они меня проверяют. Но от вас, рядовой Гаршин, требуется лишь одно: передать Колтухову эту вещь, имеющую исключительно археологическую ценность, – вещь, на которую вы могли наткнуться совершенно случайно, так же как и я. – Капитан засмеялся, хотя взгляд его оставался по-прежнему сосредоточенным.

Гаршин проглотил комок в горле.

– Понятно. Это приказ, товарищ капитан?

– Да. И сейчас нам следует вернуться к своим обязанностям. – Он опустил руку в карман. – Возьмите компас. У меня есть еще один. Чтобы попасть в часть, вам нужно держаться отсюда к северо-востоку, и когда вон та вершина окажется точно на юго-западе… то… У меня есть блокнот, я укажу вам маршрут… Счастливого пути, приятель!

Гаршин начал осторожно спускаться с горы. Шкатулку он засунул в спальную скатку. Вещица почти ничего не весила, но ему казалось, что она давит на спину, что она так же тяжела, как солдатские сапоги, и неподъемна, как бремя горной породы, нависшей над ним. Капитан, скрестив на груди руки, смотрел ему вслед. Когда Гаршин оглянулся в последний раз, он увидел, что вокруг каски капитана сияют лучи солнца, образуя небесный нимб, – выглядел он словно ангел, указующий путь в некое таинственное и запретное место.

209 год до Рождества Христова

Дорога тянулась по правому берегу реки Бактр. Близость воды радовала путников. Приятный бриз, тень от прибрежных ив и шелковиц, любое прикосновение прохлады в летнюю знойную пору воспринималось как целое событие. Поля пшеницы и ячменя, сады с вкраплениями виноградников и даже дикие маки и багряный чертополох казались выбеленными палящими лучами солнца, застывшего в безоблачном небе. Земля эта тем не менее была благодатной. Множество домов – небольших, зато каменных – теснились в селениях или рассыпались хуторками по полям. Мэнс Эверард предпочел бы не знать, что все это скоро изменится.

Караван упорно продвигался на юг. Из-под копыт вздымалась пыль. Гиппоник перегрузил свой товар с мулов на верблюдов, как только спустился с гор. Верблюды, пусть дурно пахнущие и строптивые норовом, могли нести более тяжелую поклажу и были особо выгодны в этом засушливом районе, через который пролегал маршрут каравана. Животные, приспособленные к условиям Центральной Азии, сбросили с себя зимнюю шерсть, обнажив один горб. Двугорбые верблюды еще не достигли этой страны, которая позже даст им свое название.[1] Поскрипывала сбруя, позвякивал металл. Бренчания колокольцев слышно не было, им только предстояло еще появиться в будущем.

Караванщики, ободренные приближением к концу их многонедельного путешествия, болтали, перебрасывались шутками, пели, махали руками пешим путникам, кричали и свистели, когда на глаза попадалась хорошенькая девушка, а некоторые из них адресовали свои восторги симпатичным юношам. Большинство караванщиков были родом из Ирана – темноволосые, стройные, бородатые, одетые в просторные шаровары и свободные рубахи или длинные кафтаны, в высоких головных уборах без полей. Но встречались среди них и левантийцы, эти выделялись туниками, коротко стриженными волосами и выбритыми лицами.

Сам Гиппоник – эллин (в настоящее время они преобладали в среде аристократов и купечества Бактрии) – крупный мужчина с веснушчатым лицом и редкими рыжеватыми волосами,

[1] *Бактриан* – двугорбый верблюд.

сейчас покрытыми плоским головным убором. Его предки были родом с Пелопоннеса, где в этот период пока проживали немного анатолийцев, которые возьмут верх в Греции в эпоху, когда родится Эверард. Гиппоник ехал верхом на лошади впереди каравана, поэтому он был не так запылен, как его спутники.

– Нет, Меандр, ты должен остановиться у меня, я на этом просто настаиваю, – произнес Гиппоник. – Ты знаешь, я уже послал Клития с наказом жене, чтобы она приготовила комнату для гостя. Не выставишь же ты меня лгуном? Моя Нанно и без того чересчур остра на язык.

– Ты слишком добр, – возразил Эверард. – Посуди сам. Ты вращаешься в обществе важных людей, богатых, образованных, а я всего-навсего неотесанный старый вояка-наемник. Мне бы не хотелось ставить тебя в неловкое положение.

Гиппоник искоса взглянул на своего спутника. Такому детине, несомненно, трудно было подыскать подходящего коня, который наверняка обошелся ему в кругленькую сумму. Амуниция Меандра – груба и незатейлива, за исключением меча у бедра. Больше никто в караване не носил оружия с тех пор, как путешественники ступили на безопасную территорию и отпустили нанятых стражей. Но Меандр занимал особое положение.

– Послушай, – сказал Гиппоник, – мое ремесло требует умения разбираться в людях. Скитаясь по миру, тебе тоже поневоле пришлось много повидать. Больше, чем ты показываешь. Я полагаю, ты заинтересуешь и моих компаньонов. И честно говоря, мне это совсем не повредит, когда дойдет до заключения сделок, что я задумал.

Эверард усмехнулся, и черты его сурового лица сразу смягчились. У него были светло-голубые глаза, каштановые волосы, перебитый в каком-то давнем сражении нос – о сражениях Меандр вспоминал скупо, как, впрочем, и обо всем остальном.

– Что ж, я могу славно развлечь твоих дружков, – процедил он.

Гиппоник посерьезнел.

– Я не собираюсь делать из тебя балаганное чудо, Меандр. Пожалуйста, не сомневайся в этом. Мы ведь друзья. Нам ведь столько довелось вместе пережить. Настоящий мужчина всегда распахивает двери дома для своих друзей.

– Хорошо. Спасибо, – после некоторой паузы отозвался Эверард.

«Я тоже привязался к тебе, Гиппоник, – подумал он. – И не потому, что мы прошли через отчаянные испытания. Та жаркая схватка, затем бурный поток, из которого мы чудом спасли трех мулов… да и другие приключения. Но именно в таких путешествиях и познаешь, кто твои попутчики…»

Они следовали вместе из Александрии Эсхата на реке Яксарт, последнего и самого пустынного из тех городов, которые основал и назвал в свою честь великий завоеватель, из того самого города, где Эверард нанялся на службу. Александрия находилась в пределах Бактрианского царства, но лежала на самой его окраине, и кочевники, обитавшие за рекой, повадились в том году совершать на город набеги, пользуясь отсутствием войск гарнизона: их перебросили на тревожную юго-западную границу. Гиппоник радовался, заполучив стража высшего разряда, хотя и вольнонаемного. И не напрасно: в дороге им пришлось отбиваться от разбойного нападения. Дальше путь на юг тянулся через Согдиану – пустынную, дикую и суровую местность. Лишь кое-где попадались там орошенные и возделанные земли. Сейчас караван пересек реку Оке и приближался к самой Бактрии, к дому…

«…Как и должны, по данным наблюдений. Сегодня утром в течение нескольких минут за нами следили оптические приборы с борта беспилотного космического корабля, затем орбита увлекла его прочь до новых встреч. Вот почему я оказался в Александрии, рядом с тобой, Гиппоник. Я получил информацию, что твой караван достигнет Бактрии в подходящий для моих целей день. Кроме того, ты мне понравился, плут, и я молю Бога, чтобы ты пережил все, уготованное твоему народу».

– Прекрасно, – сказал купец. – Ты ведь не жаждешь потратить свой заработок на блошиную подстилку на постоялом дворе? Отдохнешь, насладишься жизнью. Тебе, несомненно, подвернется работа получше этой. Поищи ее сам, без посредников. – Гиппоник вздохнул. – Как бы мне хотелось предложить тебе постоянную службу, но лишь Гермесу ведомо, когда я вновь пущусь в путь. Все эта война проклятая…

В последние дни до них доходили разные новости, путаные, но удручающие. Антиох, правитель Сирии из династии Селевкидов, начал вторжение в Бактрию. Эфидем Бактрийский с войском двинулся ему навстречу. Молва доносила вести об отступлении Эфидема.

Гиппоник отогнал грустные мысли.

– Ха! Знаю, почему ты отпираешься! – воскликнул он. – Боишься упустить случай потаскаться по злачным уголкам Бактрии, если остановишься в гостях в приличном семействе! Неужели та малышка с флейтой не ублажила тебя две ночи назад? – Гиппоник ткнул Эверарда большим пальцем под ребро. – Утром она поковыляла от тебя на полусогнутых. Постарался, ничего не скажешь!

Эверард посуровел.

– А тебе какое дело? – буркнул он. – Твоя, что ли, оказалась хуже?

– Ну ладно, не кипятись! – прищурился Гиппоник. – Похоже, ты раскаиваешься. Может, мальчика попробуешь? Хотя мне почему-то кажется, что это не в твоем вкусе.

– Да, не в моем.

Хотя подобное развлечение подошло бы авантюрной натуре человека, роль которого выбрал для себя Эверард: наполовину – варвара, наполовину – эллина из Северной Македонии.

– Я просто не привык распространяться о своих пристрастиях, только и всего.

– Да уж, это действительно так, – пробормотал Гиппоник.

Как в банальном анекдоте – ничего личного.

Эверард понимал, что ему не следовало так реагировать на шутку Гиппоника.

«Почему я разозлился? Он поддел меня без злого умысла». После долгого воздержания мы вновь оказались в обжитых краях и остановились в караван-сарае, где к услугам путников были девушки. Я отменно провел время с Атоссой. Ничего больше. Может, я совершил ошибку, расставшись с нею? Славная девчонка! Она заслуживает большего, чем дает ей жизнь. Огромные глаза, красивая грудь, узкие бедра, опытные, ласковые руки. А какая тоска прозвучала в ее голосе, когда на утренней заре Атосса спросила, вернется ли он когда-нибудь. А ведь, кроме небольшой платы и щедрых чаевых, он ничего ей не дал – разве что проявил внимание и заботу, как стараются делать большинство мужчин двадцатого века в Америке. Хотя здесь и это редкость.

Как сложится ее судьба? Атоссу могли украсть или убить бандиты, продать в рабство в чужую страну, когда армия Антиоха займет Бактрию. В лучшем случае она увянет к тридцати годам от изнурительной поденщины, к сорока изработается, потеряет зубы и умрет, не дотянув до пятидесяти. «Я никогда не узнаю, что станется с ней».

Эверард одернул себя: «Прекрати сентиментальничать». Он ведь не мягкосердечный и впечатлительный новичок. Ветеран, агент-оперативник на службе Патруля Времени, прекрасно осознающий, что история в буквальном смысле слова выстрадана людьми.

«Может быть, я чувствую себя виноватым? Но с какой стати? Есть ли смысл в угрызениях совести? Кто пострадал?»

Определенно не он сам. Искусственные вирусы, введенные в его организм, уничтожали любую болезнь из тех, что мучили людей долгие века. Он не мог наградить Атоссу ничем, кроме воспоминаний.

«И вообще, для Меандра из Иллирии противоестественно было бы упустить такую возможность. Их у меня за всю жизнь набралось столько, что память не вмещает, и не всегда потому, что того требовала служебная необходимость.

Ладно. Ладно. Да. Незадолго до отъезда в эту командировку я виделся с Вандой Тамберли. Ну и что? Ей тоже нет дела до моей жизни».

До сознания Эверарда дошли слова Гиппоника:

– Прекрасно. Никаких возражений. Не волнуйся, ты будешь предоставлен сам себе, гуляй на здоровье. У меня дел по горло. Расскажу тебе о самых веселых заведениях, а может, и выкрою часок-другой, чтобы развлечься за компанию. Но бóльшую часть времени тебе придется коротать одному. Жить будешь в моем доме, и точка!

– Спасибо, – отозвался Эверард. – Извини, если я был груб. Усталость, жара, жажда…

«Хорошо, – подумал он. – Получается, мне везет. Я смогу беспрепятственно навестить Чандракумара и, помимо всего прочего, разузнать что-нибудь полезное от приятелей Гиппоника. С другой стороны, я окажусь более заметным, чем предполагал».

Хотя в разноязыкой Бактрии его появление вряд ли станет событием. Ему нечего опасаться, выполняя задание в этом городе…

– Ну, об этом мы скоро позаботимся, – пообещал купец.

Словно бы услышав Гиппоника, дорога резко обогнула рощу, и город – цель путешествия – открылся их взору. Над речным причалом высились массивные коричнево-желтые стены с башнями. Из-за стен, периметр которых составлял около семи миль, курился дым домашних очагов и мастерских, доносился скрип колес и топот копыт. У главных ворот города в обоих направлениях текла людская река: пешие, конные, в повозках. От самой стены начиналась полоса пустого пространства – для обороны города, – а дальше лепились друг к другу жилые дома, постоялые дворы, мастерские, сады.

В основном здесь жили иранцы, которые преобладали и в караване. Их предки заложили этот город, дав ему имя Зариаспа – Город Лошади. Греки называли его Бактра, и выходцев из Греции по мере приближения к городу встречалось все больше. Некоторые из них пришли в эту страну, когда ею владел царь Персии. Переселение зачастую было подневольным – шахи Ахемениды попросту выселяли беспокойных ионийцев. Приток усилился после захвата города Александром, потому что Бактрия превратилась в край новых возможностей и в конце концов добилась статуса независимого государства под властью эллинов. Большинство греков обосновалось в городах. Они состояли на военной службе или ходили торговыми путями, тянувшимися на запад до самого Средиземноморья, на юг – до Индии, а на восток – аж до Китая.

Эверард припомнил лачуги, средневековые руины, нищих земледельцев и скотоводов – в основном тюрко-монгольских узбеков. Но это было в Афганистане 1970 года, неподалеку от советской границы. Много перемен принесут степные ветры в грядущем тысячелетии. Слишком много, черт возьми!

Он пришпорил коня. Лошадь Гиппоника пустилась рысью. Погонщики верблюдов тоже прибавили хода, да и пешие путники зашагали бойче: до дома осталось совсем немного.

«И совсем недолго осталось до войны», – подумал Эверард.

Они въехали через Скифские ворота, которые хотя и были распахнуты, но охранялись отрядом воинов. На солнце блестели их шлемы, щиты, латы, поножи, наконечники пик. Солдаты пристально изучали каждого входящего. Городской гул звучал приглушенно, так как жители здесь разговаривали не так громко и отрывисто, как принято на Востоке. Несколько деревянных повозок, запряженных волами или ослами, были нагружены домашним скарбом. Их сопровождали крестьяне с женами и детьми, искавшие защиты за городскими стенами.

Гиппоник сразу обратил внимание на беженцев. Губы его сжались.

– Плохие новости, – обратился он к Эверарду. – Надеюсь, это только слухи, но в таких случаях правда обычно не заставляет себя ждать. Мы довольно быстро добрались, и мне следует принести жертву Гермесу.

Жизнь вокруг, однако, продолжалась. Она никогда не замирает, до тех пор пока не окажется в пасти смерти. Люди сновали по улицам между постройками – в основном без окон, –

раскрашенными в яркие тона. Тележки, тягловый скот, носильщики, женщины, ловко несущие на головах кувшины с водой или рыночные корзины, сновали в толпе ремесленников, поденщиков и домашних рабов. Богач в паланкине, офицер верхом на лошади или старый боевой слон с погонщиком шли напролом, вздымая позади себя живые человеческие волны. Скрипели колеса, позвякивала упряжь, сандалии стучали по булыжной мостовой. Слышался смех, скороговорки, гневные возгласы, обрывки песен, журчание флейты или рокот барабана. Воздух был пропитан запахом пота, нечистот, дыма, стряпни, фимиама. В тени харчевен сидели, скрестив ноги, мужчины; они потягивали вино, играли в кости, разглядывали текущую мимо них жизнь.

На Священном пути располагалась библиотека, одеон, гимназия, облицованные с фасада мрамором, украшенные колоннами и фризами. Между зданиями тут и там стояли гермы фаллической формы – каменные столбы, увенчанные бородатыми головами. Эверард знал, что в городе есть школы, общественные бани, стадион, ипподром и царский дворец, скопированный с чертогов Антиоха. Гордостью главной улицы города были пешеходные дорожки с выложенными из камней перекрестками, возвышающиеся над мусором и навозом. Столь далеко от Греции взошли семена ее цивилизации. Это не означало, однако, что греки отождествляли Анаит с Афродитой-Уранией, хотя и воздвигли храм в ее честь в традиционном стиле. Анаит оставалась азиатской богиней, чей культ почитался беспрекословно, и западная часть Бактрии – зарождающееся Парфянское царство – в недалеком будущем создаст новую империю Персии.

Храм Анаит возвышался над крытой колоннадой Никанора, где раскинулся центральный городской базар. На площади теснились палатки, набитые товаром: шелковые, хлопковые, шерстяные ткани, вина, пряности, засахаренные фрукты, лечебные снадобья, драгоценные камни, поделки из меди, серебра, золота, железа, талисманы – всего было в достатке. Торговцы, выкрикивающие цены, торгующиеся покупатели мешались в толпе с лоточниками, плясунами, музыкантами, предсказателями судеб, колдунами, проститутками, попрошайками, зеваками. В этом круговороте мелькали лица и одежды из Китая, Индии, Персии, Аравии, Сирии, Анатолии, Европы, с диких предгорий и северных равнин.

Эверарду такая картина была почти привычна, хотя в глубине души таилось ощущение нереальности происходящего. Он не раз наблюдал подобные сцены в других землях, в других столетиях. Каждая была отмечена печатью своеобразия, но все их роднили кровные узы с доисторической древностью. Сюда он еще ни разу не попадал. К моменту появления на свет Эверарда город превратится в призрак, в жалкую тень Бактры эллинских времен. Однако Эверард прекрасно ориентировался в незнакомом месте. Совершенная электроника запечатлела в его мозгу карту, историю, основные языки и все сведения об этом городе, которые не зафиксированы в хрониках, но были терпеливо собраны по крупицам Чандракумаром.

Столько подготовки, долгой и опасной работы только ради того, чтобы захватить четверых беглецов. Однако эти четверо угрожали существованию его мира.

– Давайте сюда! – закричал Гиппоник и махнул рукой, не вылезая из седла.

Караван свернул в менее оживленный квартал и вскоре остановился у склада. Часа два потратили они на разгрузку, опись и укладку товаров. Гиппоник заплатил каждому из своих людей по пять драхм, распорядился насчет стойла и корма для животных и договорился встретиться с ними на следующий день в банке, где он хранил свои деньги, чтобы рассчитаться окончательно. Караванщикам не терпелось поскорее попасть домой, узнать, что тут без них происходило, и весело отметить возвращение к родному очагу, хотя новости о войне никому не давали покоя.

Эверард ждал. Он скучал по своей трубке и холодному пиву, которые были бы сейчас как нельзя кстати. Но сотрудники Патруля Времени умели справляться со скукой. Краем глаза Эверард наблюдал за происходящим вокруг и думал о чем-то своем. Вскоре он поймал себя на том, что вспоминает день, до которого оставалось еще более двух тысяч лет.

1987 год от Рождества Христова

Через открытое окно проникали солнечный свет, ласкающий ветерок и отголоски городского дыхания. Перед взором Эверарда лежал Пало-Альто, отдыхающий в праздничные дни. Он сидел в квартире студентки Стенфордского университета: удобная, немного обшарпанная мебель, неразбериха на письменном столе, книжная полка, заваленная всякой всячиной, и плакат Национальной федерации дикой природы на противоположной стене. От событий прошлой бурной ночи не осталось и следа. Ванда Тамберли сама все проверила. Она – но другая, на четыре месяца моложе, та, которая еще не знала о существовании Патруля, – не должна была ничего заподозрить, вернувшись из поездки с родителями.

Впрочем, Эверард показывался на улице не чаще, чем того требовала привычная осторожность. Гораздо приятнее было глядеть на хорошенькую калифорнийскую блондинку.

Свет играл на ее волосах и складках голубого махрового халата, подобранного под цвет глаз. Даже притом что она проспала целые сутки, Ванда удивительно быстро оправилась после случившегося. Девушка, похищенная одним из конкистадоров Писарро и спасенная в ходе головокружительной операции, имела полное право на растерянность. Ванда, однако, продолжала задавать вопросы, разделывая при этом большой кусок мяса.

– Но разве путешествия во времени возможны? Я читала, что это абсурд и фантазии.

– С точки зрения современной физики и логики – да. Но в будущем людям откроются более широкие горизонты, – ответил Эверард.

– Ладно. Я, вообще-то, на биологическом, но физику тоже проходила, да и сейчас стараюсь не отставать. «Новости науки» читаю, «Аналог». – Ванда улыбнулась. – Видите, я ничего от вас не скрываю. Иногда просматриваю «Американскую науку», хотя от этого журнала порой в сон клонит. Вот, все как на духу выложила.

Веселье в ее голосе таяло. Эверард подозревал, что это лишь попытка защитить себя от непонятного, может быть даже опасного.

– Вы садитесь на какой-то мотоцикл – словно из комиксов про Бака Роджерса, но без колес, – запускаете систему управления, поднимаетесь в воздух, свободно парите, потом включаете другой пульт и оказываетесь по вашему желанию в любом месте в любое время. Независимо от высоты над уровнем моря или… Откуда берется энергия? Земля сама вращается, движется вокруг Солнца, которое, в свою очередь, движется вместе с Галактикой. Что вы на это скажете?

– E pur si muove, – произнес Эверард, пожав плечами и улыбнувшись.

– Что? Да, конечно. Это Галилей, когда его заставили признать, что Земля неподвижна. «И все-таки она вертится».

– Да. Странно, что представитель вашего поколения знает об этом.

– Ну, для развлечения я не только ныряю и хожу в походы, мистер Эверард. Иногда я еще читаю.

Он уловил оттенок негодования.

– Вы правы. Извините, я…

– Честно говоря, я удивлена, что вы знаете эту историю.

«Действительно, – подумал он, – какими бы безумно-необычными ни были обстоятельства, ты безошибочно угадала во мне заурядного выходца со Среднего Запада, который никогда толком не счистит грязь с башмаков».

Ее голос зазвучал мягче.

– Хотя, конечно, вы живете историей. – Пышная копна волос медового цвета чуть качнулась. – Я пока не понимаю этого до конца. Надо же – путешествия во времени! До сих пор

не могу поверить, что это реальность, несмотря на все случившееся. Слишком все неправдоподобно. Наверно, до меня просто плохо доходит, да, мистер Эверард?

– Мне казалось, что мы обращались друг к другу по имени.

«Привычная манера для этого периода Америки, – подумалось Эверарду. – Мне это, черт возьми, должно быть привычно. Я ведь родом отсюда. И совсем не стар, хотя и появился на свет шестьдесят три года назад. За плечами, правда, столько, что хватит на несколько человеческих жизней. Но биологически мне около тридцати…»

Он хотел сказать все это Ванде, но не посмел: двадцатому веку еще неведомо лечение от старости.

«У нас, агентов Патруля, есть свои преимущества. Они просто необходимы, чтобы выдержать то, что выпадает на нашу долю…»

Эверард попытался настроить себя на оптимистичный лад.

– На самом деле Галилей ни мысленно, ни вслух никогда не произносил тех слов. Это миф.

«Один из тех, которыми живут люди, предпочитая миф реальным фактам».

– Жаль. – Ванда откинулась на диване и снова улыбнулась. – Ладно, Мэнс. Оставим в покое эти темпороллеры, хопперы, или как вы их там называете. Надо думать, если бы вы попытались объяснить, как они работают, современным ученым, они бы вас просто не поняли.

– Ну, кое-что они уже понимают. Неинерционные системы отсчета, квантовая теория гравитации, энергия из вакуума. Если я не ошибаюсь, теорему Белла опровергли не так давно путем лабораторных опытов. Или это произойдет через год-два? Не помню. Ученые уже ломают голову над пространственными туннелями, метриками Керра, механизмами Типлера и прочими материями, в которых я и сам не разбираюсь. Физика не входила в круг моих достижений в Академии Патруля. Но пройдет еще несколько тысячелетий, прежде чем будут сделаны главные открытия и появятся первые машины для перемещения в пространстве-времени.

Ванда сосредоточенно хмурилась, затем продолжила за него:

– И… начнутся экспедиции. Научные, исторические, культурологические, коммерческие. Так? Даже военные? Надеюсь, последних не будет. Но я могу предвидеть, в каких областях вскоре потребуется полиция, Патруль Времени. Она будет нужна, чтобы помогать, советовать, спасать и… держать путешественников в узде. Чтобы не было грабежей и мошенничества… – Она состроила гримасу. – Чтобы никто не обманывал людей прошлого. Они же просто беспомощны перед знаниями и машинами будущего.

– Не всегда. Вы сами этому доказательство.

Девушка вздрогнула и нервно засмеялась:

– Ну вы скажете тоже! А кстати, много в истории таких крепких и обаятельных парней, как Луис Кастелар?

– Достаточно. Наши предки не обладали такими знаниями, как мы, но они знали то, что неведомо нам, что мы не смогли сберечь, забыли или оставили на пыльных полках наших библиотек. И думать они умели не хуже нас с вами. – Эверард подался немного вперед. – Да, большинство из нас в Патруле – полицейские ищейки, выполняющие ту работу, о которой вы говорили, и попутно ведущие собственные исследования. Как видите, мы не можем защитить историю до тех пор, пока досконально не разберемся в ней. Наша главная миссия – защита. Вот почему данеллиане основали эту организацию.

Брови Ванды взлетели вверх.

– Данеллиане?

– Это английский вариант их названия на темпоральном языке. Язык создан для общения путешественников во времени, чтобы избежать всяких недоразумений. Данеллиане… Они появились… вернее, появятся, когда будет открыт способ перемещения во времени. – Он помолчал, затем снова заговорил, тише и медленнее: – Зрелище, надо полагать, было… будет

достаточно впечатляющее. Я однажды виделся с данеллианином, всего несколько минут… Потом несколько недель не мог опомниться. Без всякого сомнения, они способны маскироваться, находиться среди нас в человеческом облике, если им того захочется, хотя я не уверен, что они часто пользуются этой способностью. Данеллиане – это те, кто сменит нас в процессе эволюции спустя миллион лет или больше. Подобно тому, как мы пришли на смену обезьянам. По крайней мере, многие из нас так считают. Точно никто не знает.

Глаза девушки расширились, взгляд устремился куда-то вдаль.

– Что могли знать о нас австралопитеки? – прошептала она.

– Вот именно… – Эверард снова заговорил обычным тоном. – Данеллиане явились и приказали создать Патруль. В противном случае весь мир – и наш, и их – был бы обречен. Разрушить его далеко не так просто. Но умышленно или случайно путешествующие во времени могут изменить прошлое настолько, что их будущее предстанет в абсолютно ином виде, и это может повторяться бесконечно, пока… Пока всеобщий хаос, вымирание рода людского или что-либо подобное не остановит саму цивилизацию, и в первую очередь путешествия во времени.

– Но здесь нет никакой логики, – сказала Ванда, побледнев.

– Нет, если исходить из привычных представлений. Но посудите сами. Когда вы отправляетесь в прошлое, вы остаетесь тем же агентом-оперативником, каким были всегда. Существует ли за пределами настоящего какая-то мистическая сила, которая принуждает вас к действию? Нет. Вы, Ванда Тамберли, можете убить своего отца еще до его женитьбы. Я не думаю, конечно, что вы на это способны. Но представьте, что, блуждая в том году, когда ваши родители были молоды, вы невзначай сделали что-то, в результате чего ваши родители никогда не встретятся.

– И я… прекращу существование?

– Нет. Вы по-прежнему останетесь в том году. Но, к примеру, сестра, о которой вы упоминали, никогда не родится.

– В таком случае откуда возьмусь я – из капусты? – съехидничала она, но тут же посерьезнела.

– Ниоткуда. Из ничего. Причинно-следственные связи здесь неприменимы. Тут вступает в силу нечто вроде квантовой механики, только не на субатомном уровне, а, скажем так, на человеческом.

Напряжение нарастало почти зримо.

– Не беспокойтесь, – сказал Эверард, пытаясь разрядить обстановку. – На практике Вселенная не настолько хрупка. Настоящее не так просто поддается деформации. К примеру, в случае с вами и вашими родителями здравый смысл является запретным фактором. Кандидаты в путешественники во времени тщательно изучаются, прежде чем получают допуск к самостоятельным заданиям. И значительная часть выполняемых ими поручений не вызывает изменений устойчивого характера. Какое значение, к примеру, имеет обстоятельство, посещали ли вы или я театр «Глобус», когда на его подмостках играл Шекспир? Если бы вы отменили свадьбу ваших родителей и появление на свет вашей сестры, то, при всем уважении к вам, не думаю, что мировая история обратила бы на это внимание. Вашему отцу, может быть, пришлось бы жениться на какой-нибудь другой женщине, и кому-нибудь еще выпадет случай стать той персоной, которая через несколько поколений обретет изначальный набор генов. Через несколько веков родится такой же потомок. И так далее. Вы понимаете меня?

– От ваших объяснений голова идет кругом. Я немного знаю теорию относительности. Мировые линии, наши следы в пространстве-времени похожи на переплетение нитей в эластичном бинте. Тянешь, а волокна стараются вернуть его в первоначальное положение.

Эверард присвистнул.

– Быстро вы уловили суть!

Ванда продолжила, не обращая внимания на его реплику:

– Однако существуют события, люди, ситуации, которые могут быть источником… нестабильности. К примеру, если бы какой-нибудь идиот из самых лучших побуждений предотвратил выстрел Бута в Линкольна, то, вероятно, изменился бы ход последующих событий.

Он кивнул в ответ.

Девушка выпрямила спину и, задрожав, обхватила колени руками.

– Дон Луис хотел… хочет заполучить современное оружие, вернуться в Перу шестнадцатого века и захватить там власть, а затем истребить протестантов в Европе и изгнать мусульман из Палестины.

– Вы отлично все поняли. – Эверард наклонился и взял руки девушки в свои. Ладони ее были холодными. – Не бойтесь, Ванда. Да, может произойти непоправимое, может случиться так, что наш сегодняшний разговор никогда не состоится, что и мы, и весь мир вовсе перестанем существовать – исчезнем и никогда не появимся даже в чьих-то ночных видениях. Трудно вообразить подобное и принять его, легче смириться с идеей о полном уничтожении личности после смерти. Я прекрасно это знаю. Но не волнуйтесь, на этот раз все будет в порядке, Ванда. Кастелар – это случайность. Лишь по воле случая он завладел темпороллером и научился управлять им. Ну и что? Испанец действует один, и к тому же он абсолютный невежда. Он едва унес ноги отсюда прошлой ночью. Патруль идет по его следу. Мы поймаем его, Ванда, и восстановим все, что он сумел разрушить. Именно для этого и существует Патруль. И поверьте, мы отлично работаем.

Она проглотила подступивший к горлу комок:

– Я верю вам, Мэнс.

Он чувствовал, как теплеют ее пальцы.

– Спасибо. Вы здорово нам помогли. После вашего рассказа мы можем предсказать его последующие шаги, и я рассчитываю на вас в дальнейшем. Возможно, у вас тоже будут какие-то предложения. Поэтому-то я столь откровенен с вами. Как я уже объяснял, обычно нам запрещено посвящать посторонних в факт существования путешествий во времени. Более чем запрещено – мы, можно сказать, запрограммированы против разглашения тайны и просто не в состоянии выдать ее. Но ситуация сложилась чрезвычайная, а я, будучи агентом-оперативником, уполномочен выходить за рамки правил.

Она убрала руки – мягко, но решительно.

«Молодец, сохраняет спокойствие, – подумал он. – Нет, не холодна, отнюдь. Но независима… Сила воли, твердость характера, ум – и это в двадцать один год от роду!..»

Ее взгляд прояснился, слегка дрожавший голос вновь зазвучал ровно и уверенно.

– Спасибо. Я вам очень, очень благодарна. Вы совершенно необыкновенный человек.

– Ничего подобного. Просто такая работа выпала. – Он улыбнулся. – Жаль, что вам не подвернулся какой-нибудь герой, сорвиголова из эпохи Перестройки Планеты.

– Откуда? – переспросила она и, не дождавшись ответа, добавила: – Насколько я понимаю, Патруль вербует новобранцев во всех эпохах.

– Не совсем так. До научной революции, примерно до тысяча шестисотого года от Рождества Христова, очень немногие способны воспринять идею. Кастелар – незаурядный тип.

– Как они нашли вас?

– Я откликнулся на объявление, прошел некоторые испытания лет этак… словом, дело давнее.

«Ну да, в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, – подумал Эверард. – А что? Она ведь не знает всей моей биографии и не станет считать меня древним стариком… А какая тебе, собственно, разница?.. Ну, Эверард, старый ты повеса!»

– Пополнение находят разными путями. – Он уставился в одну точку. – Понимаю, что у вас в запасе десять миллионов вопросов, я хочу ответить на них и, вероятно, смогу сделать

это позже. Но сейчас я предпочел бы заняться делом. Мне нужны более подробные сведения о случившемся. Время не ждет.

– Неужели? – пробормотала она. – А я думала, что вы способны в мгновение ока возвращаться по следам событий.

«Соображает!»

– Разумеется. Но нам тоже отпущен лишь определенный срок жизни. Рано или поздно старуха-смерть приберет каждого. Кроме того, у Патруля слишком широкое поле деятельности по охране истории, а нас не так уж много. И последнее: меня тревожит бездействие, когда операция не завершена. Мне не терпится пройти путь до конца, до той точки, когда дело будет закрыто и я буду уверен, что мы в безопасности.

– Понимаю, – поспешно отозвалась она. – История ведь не начинается и не кончается доном Луисом?

– Вот именно, – подтвердил Эверард. – Ему удалось завладеть темпороллером, потому что несколько бандитов из отдаленного будущего попытались похитить выкуп за Атауальпу как раз в ту самую ночь, когда испанец случайно оказался в хранилище. Эти молодчики представляют серьезную опасность. Короче, нам пора двигаться по следам конкистадора.

209 год до Рождества Христова

Подобно большинству домов зажиточных эллинов, обосновавшихся так далеко на востоке, жилище Гиппоника сочетало восточную роскошь с классической простотой. Стены столовой, обрамленные позолоченными планками, были расписаны яркими фресками с изображениями фантастических птиц, животных и растений. Повсюду стояли причудливой формы бронзовые канделябры, тонкие свечи в которых зажигались с наступлением сумерек. Благовония наполняли воздух сладким ароматом. Сейчас было тепло, и дверь во внутренний дворик, украшенный розами и бассейном с рыбками, оставалась открытой. Мужчины в белых туниках со скромным орнаментом вальяжно расположились на кушетках рядом с двумя изящными столиками. Они пили разбавленное водой вино, а из еды им подали зажаренного барашка, овощи и свежеиспеченный хлеб – пища не изысканная, но здоровая. Мясо, впрочем, появилось на столе по случаю прибытия гостей. На десерт были фрукты.

По традиции, в первый вечер после возвращения купец ужинал в кругу семьи с единственным гостем – другом Меандром. На следующий день, как водится, собиралась мужская вечеринка с девушками, приглашенными для игры на музыкальных инструментах, танцев и прочих развлечений. Но на этот раз сложились иные обстоятельства. Гиппонику не терпелось поскорее узнать новости. В записке, посланной жене гонцом, он велел немедленно созвать нужных людей. Прислуживали им только рабы-мужчины.

В городской иерархии Гиппоник занимал не самое последнее место, поэтому двое из приглашенных сумели выкроить время для визита. Сведения Гиппоника с северной границы тоже могли оказаться полезными. Гости расположились напротив Эверарда, и после обмена любезностями мужчины перешли к обсуждению ситуации. Она оказалась не из приятных…

– Только что прибыл курьер, – ворчливо произнес Креон. – Армия будет здесь послезавтра.

Этот плотного сложения человек со шрамами на лице занимал второй по значению пост в гарнизоне, оставленном в городе после отъезда царя Эфидема.

Гиппоник моргнул:

– Все экспедиционные силы целиком?

– За вычетом мертвых, – отозвался Креон.

– А что будет с остальной частью страны? – спросил потрясенный Гиппоник: он владел землями и в отдаленных районах тоже. – Если большинство наших воинов будут закупорены

в одном этом городе, войска Антиоха смогут беспрепятственно грабить и жечь все в любом уголке страны.

«Сначала грабить, потом жечь!» – вспомнил Эверард затасканную шутку двадцатого века. Хотя шутка совсем не казалась веселой, когда до ее воплощения в действительность оставалось полшага, но так устроен человек, что он склонен хвататься за любую спасительную соломинку юмора.

– Не волнуйтесь, – успокоил их Зоил.

Перед встречей Гиппоник объяснил Эверарду, что у этого гостя, главного казначея, связи во всем государстве. Мрачное выражение лица Зоила сменилось хитроватой улыбкой.

– Наш правитель хорошо знает, что делает. Когда его силы сосредоточены здесь, врагу придется оставаться поблизости. Кроме того, мы можем выслать отряды для захвата неприятеля с тыла, по частям. Верно, Креон?

– Не все так просто, особенно если кампания затянется. – Взгляд военачальника, брошенный на соседа, словно бы говорил: «Вы, гражданские, всегда считаете себя великими стратегами». – На самом деле Антиох ведет игру осторожно. В этом легко убедиться. Как бы там ни было, наша армия по-прежнему в состоянии боевой готовности, а Антиох забрался слишком далеко от дома.

Эверард, хранивший в присутствии сановников почтительное молчание, отважился задать вопрос:

– А что случилось, господин? Не могли бы вы обрисовать ситуацию, основываясь на донесениях?

Креон ответил слегка снисходительным, но вполне дружелюбным тоном, – в конце концов, они оба имели военный опыт:

– Сирийцы прошли маршем вдоль южного берега реки Ариус. – Во времена Эверарда, в будущем, эту местность на картах обозначали как Хари-Руд. – Далее на их пути лежала пустыня, которую им пришлось пересечь. Эфидем, конечно, знал о приближении Антиоха. Он давно поджидал его.

«Естественно, – подумал Эверард. – Война зрела на протяжении долгих шести десятилетий, начиная с того момента, когда правитель Бактрии восстал против династии Селевкидов и провозгласил независимость своей провинции, а себя назвал царем».

Примерно тогда же поднялись на борьбу и парфяне. По происхождению они были почти чистокровными иранцами – арийцами в истинном смысле этого понятия – и считали себя наследниками Персидской империи, покоренной Александром, а затем поделенной его военачальниками между собой. После долгого противостояния с соперниками на Западе преемники царя Селевка вдруг обнаружили у себя за спиной новую угрозу.

В настоящее время они правили Киликией (юг Центральной Турции во времена Эверарда) и прилегающей к Средиземному морю частью Латакии. Оттуда их власть распространилась на бóльшую часть Сирии, Месопотамию (Ирак) и Персию (Иран) – где в форме прямого правления, где в виде вассального подданства. Все перечисленные страны смешались в одно слово – «Сирия», хотя их верховными правителями были греко-македонцы с примесью ближневосточных кровей, а подданные весьма отличались друг от друга. Царь Антиох III сумел воссоединить их после того, как гражданские войны и ряд других военных авантюр едва не разрушили государство. Затем он отправился в Парфию (Северо-Восточный Иран) и на какое-то время обуздал повстанцев. Теперь Антиох двигался к Бактрии и Согдиане. А его честолюбивые планы простирались еще дальше на юг, в Индию…

– Его разведчики и шпионы без дела не сидели, – продолжал Креон. – Он занял прочные позиции у реки, которую, как ему было известно, намеревались использовать сирийцы. И должен заметить, Антиох коварен, бесстрашен и тверд. На вечерней заре он отправил отборный отряд через…

Армия Бактрии, подобно парфянской, преимущественно состояла из кавалерии. Конница не только была ближе азиатским традициям, но и наиболее успешно действовала в этой местности. Правда, такая армия становилась почти беспомощной в ночное время, и конники всегда отступали на безопасное, по их представлению, расстояние от неприятеля.

– …И отбросил наши передовые части на исходные позиции. Следом пошли его ударные силы. Эфидем счел разумным отступить, перегруппировался и укрепился здесь. На всем обратном пути он собирал подкрепление. Антиох преследовал наши войска, но не ввязывался в сражения. Борьба сводилась лишь к легким стычкам.

Гиппоник нахмурился:

– Это совсем не похоже на то, что я слышал про Антиоха.

Креон пожал плечами, осушил чашу и протянул рабу, чтобы тот снова наполнил ее.

– По сведениям нашей разведки, он получил ранение, когда форсировал реку. Очевидно, не столь серьезное, чтобы выбить его из строя, но этого оказалось достаточно, чтобы замедлить наступление его армии.

– Тем не менее, – заявил Зоил, – он поступил неблагоразумно, не воспользовавшись своим преимуществом сразу. Бактра хорошо обеспечена провиантом. Ее стены неприступны. И когда сюда придет царь Эфидем…

– …он будет сидеть сложа руки, позволив Антиоху взять город в осаду и заморить нас до смерти, – перебил говорящего Гиппоник. – Хуже не бывает!

Зная последующие события, Эверард осмелился произнести:

– Возможно, он замышляет иное. На месте вашего правителя я обеспечил бы безопасность здесь, затем предпринял бы боевую вылазку, имея в тылу город, куда можно вернуться в случае поражения.

Креон одобрительно кивнул.

– Новая Троянская война? – возразил Гиппоник. – Да ниспошлют нам боги другой исход!

Он наклонил чашу и вылил несколько капель вина на пол.

– Не беспокойтесь, – сказал Зоил. – Наш царь прозорливее Приама. А его старший сын Деметр подает большие надежды и, возможно, станет новым Александром.

Казначей, очевидно, оставался сановником в любой ситуации. Зоил отнюдь не был примитивным льстецом, иначе Гиппоник и не приглашал бы его. На сей раз Зоил говорил правду. Эфидем сам пробился в жизни. Отважный человек из Магнезии, узурпировавший корону Бактрии, он оказался опытным правителем и искусным военачальником. Пройдут годы, Деметр преодолеет Гиндукуш и отхватит себе добрый кусок от разваливающейся империи Маурьев.

Если только экзальтационисты не одержат верх и будущее, из которого пришел Эверард, не исчезнет.

– Что ж, мне следует проверить свои запасы, – мрачно произнес Гиппоник. – В доме, помимо меня, еще трое мужчин, способных держать оружие в руках, мои сыновья… – Он не мог унять дрожи в голосе.

– Прекрасно, – громко отозвался Креон. – У нас произошли кое-какие изменения. Ты будешь под началом Филиппа, сына Ксанта, это у башни Ориона.

Гиппоник бросил взгляд на Эверарда. Их руки соприкоснулись, и агент почувствовал легкую дрожь по всему телу.

Молчание нарушил Зоил, явно решивший испытать Эверарда:

– Если ты, Меандр, не намерен участвовать в нашей войне, уезжай без промедления.

– Но не так же скоро, – ответил Эверард.

– Ты будешь сражаться на нашей стороне? – выдохнул Гиппоник.

– Признаться, это все для меня немного неожиданно… – отозвался Эверард, подумав про себя: «Ври больше…»

Креон усмехнулся:

– О, ты предвкушал веселье? Тогда трать свое жалованье на самое лучшее. Пей доброе вино, пока оно еще есть, и гуляй, пока не пришло войско и шлюхи не подняли цены, как сейчас у Феоны.

– У кого? – переспросил Эверард.

Гиппоник состроил кислую мину:

– Нечего говорить о ней. Нам до нее как до небес.

Зоил покраснел.

– Такая женщина не для какого-нибудь мужлана с мешком золота, – отрезал он. – Феона выбирает любовников по собственному желанию.

«Ого! – подумал Эверард. – И такой высокопоставленной персоне тоже ничто человеческое не чуждо. Однако не стоит ставить сановника в затруднительное положение. И без того не легко будет вернуть разговор в нужное русло».

Но в голове тут же промелькнули строчки из Киплинга:

Великие вещи, две как одна:
Во-первых – Любовь, во-вторых – Война,
Но конец Войны затерялся в крови.
Мое сердце, давай говорить о Любви![2]

Эверард повернулся к Гиппонику.

– Простите меня, – произнес он. – Мне бы хотелось остаться рядом с вами, но к тому времени, когда меня, чужеземца, зачислят на службу, решающая битва, может быть, уже завершится. В любом случае я не смогу сделать много. Я не обучен воевать в кавалерии.

Купец кивнул.

– К тому же это не твоя война, – добавил он. В голосе его звучала не досада, а скорее деловитость. – Мне очень жаль, однако, что я не могу оказать тебе настоящее гостеприимство в моем городе. Тебе следует двинуться в путь завтра или послезавтра.

– Я поброжу по улицам, потолкусь среди людей, – сказал Эверард. – Может, кому-то понадобится наемный охранник на время путешествия в родные места. Полмира минует Бактру, верно ведь? Неплохо было бы подыскать путника, направляющегося туда, где я никогда еще не был.

Он изо всех сил старался создать в глазах Гиппоника образ человека, скитающегося по миру из любопытства, а не потому только, что его изгнали из родного племени. В эту эпоху такие люди встречались нередко.

– Ты не встретишь никого с Дальнего Востока, – предупредил Зоил. – Торговля с ними почти прекратилась.

«Знаю, – подумал Эверард. – В Китае правит Цинь Шихуанди, этакий предшественник Мао. Полная изоляция от внешнего мира. А сейчас, после смерти императора, в стране царит хаос, который продлится до возникновения династии Хань. Тем временем Хунну и другие разбойники свободно кочуют и за пределами Великой стены…»

– Я бы отправился в Индию, Аравию, Африку или европейский Рим, Ареконию или даже к галлам. Мне все равно, куда идти, – сказал Эверард, пожимая плечами.

Его собеседники удивились.

– Аркония? – переспросил Гиппоник.

В висках Эверарда застучала кровь. Не изменив выражения лица, он спокойно поинтересовался:

---

[2] *Р. Киплинг.* Баллада о царской шутке. Перевод А. Оношкович-Яцыны.

– Вы никогда не слышали об этой стране? Быть может, вам известны ареконцы под другим именем? В Парфии до меня доходили слухи о них – правда, через третьи руки. У меня сложилось впечатление, что это случайные торговцы с далекого Северо-Запада. Звучит заманчиво.

– На кого они похожи? – поинтересовался Креон с добродушной улыбкой.

– Со слов они выглядят весьма необычно. Высокие, худощавые, прекрасные как боги, волосы темные, но кожа цвета алебастра и светлые глаза. Мужчины не носят бород, а щеки их по-девичьи нежны.

Гиппоник сдвинул брови, потом встряхнул головой. Зоил напрягся. Креон поскреб ладонью щетинистую скулу и пробормотал:

– Я, кажется, что-то слышал последнее время… Подождите! – воскликнул он. – Это похоже на Феону. Я не имею в виду бороду, конечно. Но с ней были мужчины подобного вида! Кто-нибудь знает точно, откуда Феона родом?

Гиппоник задумался.

– Насколько я понимаю, она занялась своим промыслом около года назад, причем очень тихо, – произнес он. – Ей, как и всем, требовалось разрешение и всякое такое, но ни шумихи, ни сплетен не было. Короче, Феона как-то незаметно взяла да и обосновалась здесь, – хохотнул купец. – Видимо, у нее могущественный покровитель, который сам пользуется ее услугами.

По коже Эверарда пробежал холодок.

«Куртизанка высокого ранга – только таким образом женщина и могла обрести здесь полную свободу действий. Этого следовало ожидать…»

– Как вы полагаете, она снизойдет до беседы с бродягой? – спросил он. – Может, у нее есть родственники, или она сама соберется уехать из города, – так я готов охранять их в пути.

Зоил ударил ладонью по кушетке и воскликнул:

– Нет!

Все оцепенели. Зоил, овладев собой, повернулся к Эверарду:

– Почему ты так интересуешься ею, если почти ничего не знаешь об этих… ареконцах, или как их там? Вот уж не думал, что старый опытный наемник способен поверить в какие-то… небылицы.

«Как проняло! – подумал Эверард. – Пора немного отступить».

Он беззаботно махнул рукой:

– Так, подумал просто… Не стоит из-за этого кипятиться. Завтра поброжу по городу, разузнаю; может, кто меня наймет. Кроме того, я полагаю, у вас есть более важные темы для беседы.

Губы Креона сжались в узкую полоску.

– Несомненно, – ответил он.

Тем не менее Зоил весь вечер бросал на Меандра из Иллирии косые взгляды.

976 год до Рождества Христова

После атаки на экзальтационистов отряд Патруля перелетел на необитаемый остров в Эгейском море – отдохнуть, подлечить раненых и проанализировать операцию. Как и рассчитывал Эверард, она прошла успешно: четыре вражеских темпороллера сбиты, семеро бандитов захвачены в плен прямо с тонущего корабля, на котором они покинули Финикию. Однако три темпороллера увернулись от энергетических лучей и скрылись в неизвестном пространстве-времени. Сердце Эверарда не могло обрести покой до тех пор, пока последнего экзальтациониста не схватят или не убьют. На свободе их осталось не так много, и сегодня – наконец-то! – они поймали главаря.

Меро Вараган отошел от группы к краю утеса и остановился там, устремив взгляд на море. Охранники из числа патрульных не возражали. На каждого экзальтациониста надели нейроиндукционный ошейник, который приводился в действие дистанционным управлением, и при первом подозрительном движении пленника легко можно было парализовать. Поддавшись внезапному порыву, Эверард последовал за Вараганом.

Вода сияла голубизной, лишь кое-где нарушаемой белыми клочьями пены, и искрилась в солнечных лучах. Дикий бадьян под ногами источал от жары едкий запах. Морской бриз растрепал волосы Варагана, отливавшие чернотой обсидиана. Он сбросил промокший до нитки плащ и застыл словно мраморная статуя, только что изваянная рукой Фидия. Лицо его тоже могло бы считаться идеальным у будущих эллинов, еще не родившихся на свет, – хотя черты были мелковаты, а огромным зеленым глазам и кроваво-красным губам недоставало благородства Аполлона. Дионис, пожалуй, ближе…

– Чудесный вид, – кивнув, произнес Вараган на американском английском, который в его устах звучал как музыка. Голос спокойный, почти беспечный. – Надеюсь, мне не запрещено наслаждаться им, пока мы здесь?

– Нет, конечно, – согласился патрульный, – хотя мы отбываем довольно скоро.

– Найдется что-либо подобное на планете, куда меня сошлют?

– Не знаю. Нам об этом не сообщают.

– Чтобы страха нагнать? Неведомая страна, откуда никто из странствующих не возвращается… – Затем – с ухмылкой: – Вам нет нужды уговаривать меня, чтобы я не сбежал, бросившись со скалы, хотя кое-кто из ваших коллег, возможно, испытал бы чувство облегчения.

– Этого только не хватало! Вы доставили бы нам столько хлопот: выуживать вас, оживлять еще…

– Без сомнения, чтобы допросить меня под воздействием кирадекса.

– Да. Вы просто кладезь необходимой нам информации.

– Боюсь, вас ждет разочарование. Дело у нас поставлено так, что никто не посвящен в подробности или в планы своих коллег.

– Ха-ха! Этакий союз прирожденных одиночек!

«А инженеры-генетики тридцать первого столетия бьются над созданием расы суперменов для исследования дальнего космоса! Шалтен сказал однажды: „Надо же – они породили Люцифера“».

– Хорошо. Я буду сохранять достоинство, насколько это возможно, – сказал Вараган. – Кто знает, – улыбнулся он, – что может случиться на той планете.

Физическая и душевная усталость после всего пережитого лишили Эверарда хладнокровия.

– Почему вы ввязались в это? – не выдержал он. – Вы ведь и без того живете как боги…

Вараган кивнул:

– Действительно как боги. Но вы когда-нибудь задумывались над тем, что это предполагает жизнь статичную, без перемен, сплошной самообман и полную бессмысленность существования? Наша цивилизация еще старше для нас, чем ваша для вас. В конце концов это просто невозможно стало терпеть.

«Поэтому вы попытались низвергнуть ее, – подумал Эверард, – но провалились, и лишь некоторым из вас удалось похитить темпороллеры и ускользнуть в прошлое».

– Вы могли бы мирно удалиться из приевшегося вам бытия. Патруль, например, был бы счастлив заполучить в свои ряды людей с такими способностями, и, клянусь, скучать вам было бы некогда.

– Да, но для этого нам пришлось бы совершить над собой насилие… Это все равно что надругаться над собственной природой. Ведь Патруль существует для сохранения единственной версии истории.

– А вы настойчиво пытаетесь разрушить ее. Ради бога, почему?

– Столь примитивный вопрос недостоин вас. Вы прекрасно знаете ответ. Мы пытались преобразовать время так, чтобы править всем ходом истории, и это необходимо нам для достижения полной свободы воли. Вот и все. – Его надменный тон сменился сарказмом. – Похоже, вновь торжествует посредственность. Поздравляю! Вы проделали отменную работу, выслеживая нас. Не откроете секрет, как вам удалось напасть на наш след? Мне это чрезвычайно интересно.

– Это займет слишком много времени, – ответил Эверард, а про себя добавил: «И слишком глубоко ранят некоторые воспоминания».

Меро Вараган удивленно поднял брови:

– У вас изменилось настроение? Минутой раньше вы вели себя вполне дружелюбно. Однако я по-прежнему испытываю к вам расположение. Вы оказались весьма достойным противником, Эверард.

Патрульный вспомнил Колумбию, где Вараган едва не свалил правительство Симона Боливара; Перу, где его банда пыталась украсть у Писарро выкуп за Атауальпу, изменив ход испанского завоевания; события последних дней в Тире, который экзальтационисты собирались взорвать, если им не передадут секреты технологии, способной сделать их буквально всемогущими…

– Неплохая получилась игра, – продолжал Вараган. – Может быть, мы пересекались где-то еще, не столь явно?

Эверарда охватила ярость.

– Для меня это не игра, – отрезал он, – но в любом случае вы из нее выбыли навсегда!

– Как вам будет угодно, – с раздражением ответил Вараган. – Сделайте милость, оставьте меня наедине с моими мыслями! Одна из них подсказывает мне, что вы пока еще не выловили всех экзальтационистов. В некотором смысле вы не схватили даже меня!

Эверард сжал кулаки:

– В смысле?

Вараган вновь обрел самоуверенность.

– Я могу и объяснить. Так или иначе вам станет это известно после допроса. Раор все еще остается на свободе. Она не участвовала в операции, потому что женщинам в Финикии действовать труднее, но она участвовала во многих других. И Раор – не просто моя спутница, она – мой клон. У нее свои методы, и она узнает, что здесь пошло не так. Она будет столь же мстительна, сколь и честолюбива. Об этом очень приятно думать. – Вараган улыбнулся и повернулся к Эверарду спиной, устремив взор к морю.

Патрульный отошел на несколько шагов, ощущая в душе беспокойство. Он направился на противоположный край утеса, сел на камень, достал трубку, табак и закурил.

«Задним умом, как говорится, все крепки, – отругал он себя. – Следовало бы дать ему отпор, сказать что-нибудь, например: „Ну справится она с этим делом, уничтожит будущее. И что тогда? Не забывайте, вы тоже в этом будущем и тоже исчезнете…“ За исключением, конечно, тех фрагментов пространства-времени в прошлом, где он действовал. Следовало бы отметить этот факт с этакой ехидной усмешечкой. А может, и нет. В любом случае он вряд ли боится уничтожения. Неисправимый нигилист…

К черту все это! Находчивостью я никогда не блистал… Сейчас надо бы вернуться в Тир и закончить там все дела.

Бронвен… Нет. Надо обеспечить ей безбедное существование, но это лишь элементарная порядочность… Осталось только научиться, как не скучать друг без друга. Самое подходящее место для меня – старая добрая Америка двадцатого века, где я смогу на какое-то время расслабиться».

Эверард часто ловил себя на мысли, что право агента-оперативника самому устанавливать себе задания вполне компенсирует риск и ответственность, которые возлагает на него этот статус.

«Быть может, после хорошего отдыха мне захочется продолжить дело, связанное с экзальтационистами… Не исключено. – Он поерзал на камне. – Нет, для отдыха, пожалуй, рановато. Надо бы еще подвигаться и поразвлечься. Та девушка, которая попалась в ловушку перуанских событий, Ванда Тамберли… – Сквозь месяцы его собственной жизни и три тысячелетия истории пробилось и вспыхнуло воспоминание. – Почему бы и нет? Проще простого. Она приняла предложение Патруля вступить в его ряды. Можно перехватить Ванду в промежуток между тем обедом, на который я пригласил ее, и днем отъезда в Академию… Прямо похищение какое-то… Нет, к черту! Просто устрою ей приятные проводы, а уж после займусь веселой частью отпуска…»

209 год до Рождества Христова

В конце концов учение Гаутамы Будды угаснет в его родной Индии, но сегодня оно еще процветает, и волны его прорвали пределы страны. Пока новообращенных в Бактрии было совсем немного. Ступы, руины которых Эверард видел в Афганистане двадцатого века, построят лишь спустя несколько поколений. Тем не менее Бактра насчитывала изрядное количество верующих, достаточное для содержания вихара, куда приглашались гости-единоверцы. Некоторые из них там и останавливались: купцы, караванщики, служивые, нищие, монахи и прочие странники, потоками текшие через Бактру из бескрайних просторов земли. Город превратился в средоточие новостей, в кладезь для фундаментальных исторических исследований.

Эверард понял это на следующее утро после приезда в Бактру. Святилище-приют представляло собой глинобитное сооружение простой формы, прежде служившее жилым домом на Ионической линии недалеко от улицы Ткачей; на фоне соседских домов, стоящих стена к стене, оно выделялось росписью по штукатурке, цветами лотоса вокруг, драгоценными украшениями на фасаде и очагом во дворе. Эверард постучал. Дверь открыл смуглый человек в желтом одеянии, который приветливо поздоровался с гостем. Эверард спросил о Чандракумаре из Паталипутры. Знаменитый философ, как выяснилось, действительно проживал там, только в настоящее время его не было – он либо участвовал в традиционных сократовских спорах, либо предавался медитации. Вернуться обещал к вечеру.

– Благодарю вас! – произнес Эверард вслух, а про себя чертыхнулся. Хотя известие его не удивило. Он ведь не мог заранее договориться о встрече. Работа Чандракумара состояла в изучении того, что было опущено в уцелевших скупых хрониках, причем занимался он не только политикой, но и экономикой, общественным устройством страны, культурой – словом, самыми разнообразными аспектами, включая факты постоянно меняющейся повседневной жизни. А сведения извлекал в основном из общения с людьми.

Эверард решил побродить по улицам. Быть может, удастся найти что-нибудь интересное. Вдруг Чандракумар уже отыскал какой-то ключ? Сейчас Эверарду не хотелось слишком бросаться в глаза, что было довольно трудно при его росте, гораздо выше среднего для этого времени и здешних мест, и его наружности, больше характерной для варвара-галла, чем для грека или даже иллирийца. (По типу ему ближе всего был бы германец, но никто в Азии никогда не слышал об англах, саксах и им подобных.) Детектив успешнее справляется со своей задачей, если ему удается замаскироваться, слиться с толпой. Опять же, любопытство людей к его персоне может упростить знакомства, легче будет завязывать разговоры, а у экзальтационистов пока не было повода считать, что Патруль идет по их следу.

Если они вообще здесь. Вполне вероятно, что они никогда не видели приманки, выставленной для них, а может, были слишком осторожны, чтобы клюнуть на нее.

Но как бы то ни было, у Патруля все равно не нашлось ни одного человека с такими же способностями и опытом, чтобы провести начальную часть операции. Оперативники Патруля вели работу на слишком большом протяжении истории. Их вечно не хватало, и порой в дело шли те, кто просто попадал под руку.

Улицы бурлили. Воздух, помимо обычных запахов города, источал волнующий пряный аромат. Туда-сюда сновали глашатаи, извещая о близком возвращении блистательного царя Эфидема и его войска. Они не говорили о поражении, но люди уже чувствовали что-то неладное.

Никто тем не менее не впадал в панику. Мужчины и женщины занимались повседневными делами и одновременно готовились к нападению. Все были немногословны и старались не выдавать мыслей, тревоживших их души: осада, голод, эпидемии, мародерство победителей. Лишний раз говорить об этом – все равно что самому себя истязать. Большинству людей древнего мира в той или иной степени был свойствен фатализм. Грядущие события могли обернуться для них не худшей, а лучшей стороной. Несомненно, многие головы беспокоили мысли о том, как извлечь из создавшегося положения максимальную выгоду.

Голоса пока еще оставались громкими, жесты резкими, а смех пронзительным. Но продукты постепенно исчезали с базаров, поскольку оборотистые жители старались припрятать то, что не попало в царские хранилища. Предсказатели судеб, торговцы амулетами, храмы процветали. Эверарду не составляло труда заводить знакомства. Более того, он ни разу не потратился на стакан вина. Местные мужчины сами платили за любую весточку извне.

На улицах, в проходах базаров, в винных и съестных лавках, даже в общественной бане, где Эверард решил отдохнуть, ему приходилось отвечать на расспросы, сохраняя при этом осторожность и доброжелательность. Отдача пока была скудной. Никто ничего не знал об «ареконцах». Этого следовало ожидать, и хотя несколько человек вспомнили, что видели людей подобной внешности, сведения их оказались слишком расплывчатыми. Кто-то, возможно, и в самом деле видел их, но то могли быть и люди этой эпохи, странники с севера, которые просто соответствовали плохо понятому описанию. Кого-то, может быть, подводила память. А может, собеседник Эверарда просто-напросто рассказывал то, что, по его мнению, Меандру хотелось услышать, – так на Востоке было принято с незапамятных времен.

«Вот тебе и стремительный натиск Патруля, – сказал себе Эверард, вспоминая разговор с Вандой. – Девяносто девять процентов усилий приходится на нудную кропотливую работу, как, впрочем, в любых полицейских подразделениях».

В конце концов ему повезло, хотя информация оказалась тоже не слишком точной. В бане он повстречал человека по имени Тимофей, торговца рабами, – толстого, волосатого, готового мгновенно отвлечься от собственных забот и пуститься в беседу о разврате, которую навязал ему Эверард. Сразу же всплыло имя Феоны.

– Я много слышал о ней, только не знаю, чему можно верить.

– Вот и я сомневаюсь. Как и большинство горожан. Сплетни слишком хороши, чтобы быть правдой. – Тимофей вытер лоб и уставился в пространство, словно вызывая ее образ из облаков пара. – Живая богиня Анаит, – произнес он и поспешно очертил охранительный символ указательным пальцем. – Со всем моим уважением к богине… Все, что я знаю, – это слухи, из разговоров с друзьями, слугами, прочими. У нее несколько возлюбленных. Все до единого принадлежат к верхушке общества. А они о Феоне особо не распространяются. Наверное, она сама этого не хочет, иначе о ней пошла бы молва, как о Фрине, Аспазии или Лаисе. Хотя ее поклонники время от времени нет-нет да и сболтнут что-нибудь, и слух передается из уст в уста, обрастая небылицами. Не знаю, право, чему верить… Лицо и тело Афродиты, голос – как песня, кожа – как снег, походка пантеры, волосы – как ночь, глаза зелены, как пламя в медеплавильне. Так, по крайней мере, говорят.

Сам я никогда ее не видел. Да и мало кому это удавалось. Она редко покидает дом, а если и появляется на улице, то в зашторенном паланкине. Прямо как в песне, что поют в тавернах. К сожалению, нам, простым смертным, только и остается, что воспевать Феону. А в песнях, конечно, много преувеличений. – Тимофей сально хихикнул. – Быть может, поэт все это высосал из пальца для ублажения публики.

«Если это Раор, то описания ненадуманны», – мелькнуло в голове Эверарда.

Вода вдруг показалась ему холодной, и он заставил себя заговорить обычным тоном:

– Откуда она? Нет ли с нею каких-нибудь родственников?

Тимофей повернулся лицом к здоровяку:

– Откуда такое любопытство? Она не для тебя, приятель, даже если ты предложишь ей тысячу статир. К тому же ее покровители будут ревновать. А это вредно для здоровья, если ты меня понимаешь.

Эверард пожал плечами:

– Просто интересно. Неведомое существо из ниоткуда, ночи напролет чарующее министров двора…

Тимофей беспокойно оглянулся:

– Нашептывают, будто она колдунья. – Затем скороговоркой: – Запомни, я не возвожу на нее напраслину. Например, она пожертвовала деньги на небольшой храм Посейдона за пределами города. Благочестивый поступок, ничего не скажешь. – Он не смог скрыть скепсиса. – Хотя храм дал работу ее родственнику Никомаху – он служит там священником, а здесь появился еще до Феоны. Я не знаю, чем он занимался раньше, но, может быть, как раз Никомах и подготовил почву для нее в этом городе. – И снова затараторил: – Со всем моим почтением… Как знать, может, она – богиня среди нас, смертных… И давай теперь сменим тему.

«Посейдон? – гадал Эверард. – Здесь, в глубине материка… Ну конечно. Посейдон ведь не только бог моря, но бог лошадей и землетрясений, а в этих краях есть и то и другое».

Он рассчитывал, что Чандракумар вернется под вечер. Первым делом Эверард утолил голод у жаровни торговца вразнос, съев чечевицу с луком и завернутые в лепешки чапатти. Помидоры, зеленый перец и жареные початки кукурузы принадлежали грядущему. Эверарду хотелось кофе, но пришлось довольствоваться разбавленным прокисшим вином. Еще одну потребность он удовлетворил в переулке, где, к счастью, никого не оказалось. Прелести цивилизации – например, французский писсуар – скрывались в том же далеком и туманном будущем, что и гамбургеры.

Когда Эверард добрался до вихары, солнце уже закатилось за крепостные стены и улицы отдавали дневной жар тени. На сей раз монах провел его в комнату, больше напоминавшую келью: простая обстановка, ни одного окна и лишь тонкая занавеска на дверном проеме для уединения. В глиняном светильнике на полке мерцал благовонный язычок света, вполне достаточный для того, чтобы можно было нащупать путь по полу комнатки, все убранство которой состояло из соломенного матраца и куска мешковины. На нем со скрещенными ногами сидел мужчина.

Когда Чандракумар поднял взор, белки его глаз сверкнули во мраке. Маленький худой мужчина с кожей шоколадного цвета, тонкими чертами лица и полными губами индуса, рожденного в конце девятнадцатого века. Выпускник университета, чьи исследования в области индо-бактрийского общества привлекли к себе внимание Патруля. Один из оперативников разыскал его и предложил возможность продолжить исследования лично. Наряд Чандракумара состоял из белого дхоти, волосы ниспадали на плечи, и около рта он держал какой-то предмет, который, догадался Эверард, только выглядел как амулет.

– Рад видеть тебя! – произнес он неуверенно.

Эверард ответил на приветствие тоже по-гречески:

– И я рад!

Шаги монаха затихли где-то в глубине дома, и патрульный мягко спросил на темпоральном:

– Мы можем поговорить без посторонних ушей?

– Вы агент?

Вопрос на мгновение повис в воздухе. Чандракумар начал было подниматься на ноги, но Эверард жестом попросил его оставаться на месте и сам опустился на глиняный пол.

– Вы не ошиблись, – ответил он. – И дело не терпит отлагательств.

– Надеюсь, что так.

Чандракумар обрел спокойствие. Он был исследователем, а не полицейским, однако часто случалось, что в оперативной обстановке от специалистов узкого профиля требовалось не меньше решительности и сообразительности. В голосе его сквозило нетерпение.

– Весь прошлый год я провел в ожидании кого-нибудь из вас. Сейчас, по-моему, наступает критический момент.

Захватывающий эпизод в истории совсем не обязательно определяет будущее всего сущего.

Эверард жестом указал на медальон, висевший на груди Чандракумара:

– Лучше его отключить. Не хотелось бы, чтобы о нашем разговоре узнали те, кому он не предназначен.

В медальон было вмонтировано молекулярное записывающее устройство, в которое Чандракумар нашептывал наблюдения каждого дня. Прибор связи и прочее замаскированное оборудование он прятал в другом месте.

Когда медальон превратился просто в украшение, Эверард продолжил:

– Я выступаю в роли Меандра, солдата-наемника из Иллирии. На самом деле я – специалист Джек Холбрук, родившийся в тысяча девятьсот семьдесят пятом году в Торонто.

На таком опасном задании даже своему не стоило говорить более того, что следовало знать коллеге в обычных обстоятельствах. Они обменялись рукопожатием, отдав дань приличиям родного им времени.

– А вы… Бенегал Дасс?

– Дóма. Здесь я пользуюсь именем Чандракумар. Но знаете, вашими стараниями у меня возникли некоторые сложности. Прежде меня звали Раджнеш. Было бы нелогично вернуться назад так скоро после его отъезда домой, поэтому пришлось сочинить байку о нашем родстве, чтобы объяснить, почему я так похож на него.

Как-то само собой они перешли на английский, который чуть скрасил темноту дыханием привычной им обстановки. По этой же причине, вероятно, они не стали сразу говорить о деле.

– Я очень удивился, узнав, что вы не собираетесь оставаться здесь, – сказал Эверард. – Знаменитая осада. Вы смогли бы заполнить все пробелы и исправить ошибки у Полибия и в других хрониках, фрагменты которых уцелеют.

Чандракумар простер перед собой ладони:

– Располагая ограниченным сроком, отпущенным мне на исследования и земную жизнь, я не намерен расточать свое время на войну. Кровопролитие, потери, нищета – и каков итог через два года? Антиох не может взять город, но при этом не хочет или не смеет оставаться у стен осажденного города. Он заключает мир, скрепленный обручением его дочери и наследником Деметром, и уходит на юг, в Индию. Эволюция общества – вот что имеет значение. Войны не что иное, как патология.

Эверард воздержался от возражений. Вовсе не потому, что ему нравились войны, он слишком много повидал их на своем веку. Но он считал, что, к сожалению, это норма истории – как снежные бураны в Арктике – и слишком часто их последствия существенно меняют ситуацию в мире.

– Извините, – сказал он, – но мы запросили опытного наблюдателя, а вы как раз он и есть. Вы здесь в качестве буддийского странника?

– Не совсем так. В вихаре есть несколько священных предметов, но они не представляют исключительной ценности. Тем не менее Чандракумар жаждал просвещения, и пи́сьма, которые послал ему двоюродный брат Раджнеш, служивший в Бактре агентом по торговле шелком, навели Чандракумара на мысль об изучении мудрости как Запада, так и Востока. К примеру, Гераклит был почти современником Будды, и некоторые его суждения параллельны буддийским. Этот город – самое подходящее место для индуса, изучающего эллинов.

Эверард одобрительно кивнул. Переходя из образа в образ – процесс, который обычно прерывается временной паузой, чтобы избежать узнавания, – Бенегал Дасс провел среди бактрийцев годы, в общей сложности несколько десятилетий. Каждое прибытие и отъезд совершались на медленных, неудобных, опасных средствах передвижения этой эпохи; темпороллер или что-то другое, что могло вызвать здесь любопытство, утрачивали свои незаменимые качества, и агент просто не мог в таком случае выполнять задания Патруля. Чандракумар наблюдал, как город обретает величие, и ему предстояло стать очевидцем его смерти. Конечным итогом его трудов было повествование о Бактре, глубокое и волнующее, всеобъемлющее, не доступное никому, кроме горстки заинтересованных лиц в Патруле или в далеком неведомом будущем. Когда он переносился на родину и в свое столетие, ему приходилось лгать родственникам и друзьям, отвечая на вопросы, чем он зарабатывает на жизнь. Никакому монаху не доводилось вести столь тяжкое, замкнутое и столь подвижническое существование.

«У меня бы у самого духа не хватило…» – признался себе Эверард.

Чандракумар нервно засмеялся.

– Простите, – произнес он, – я уклоняюсь от сути. Велеречивость – недуг ученых. И разумеется, я сам истомлен неопределенностью. Что затевается? – (Пауза.) – Ну, рассказывайте же.

– Боюсь, вам это придется не по душе, – мрачно отозвался Эверард. – Вам довелось побывать во многих переделках, и все ради какой-то интермедии. Главное событие, однако, серьезно настолько, что каждая крупица информации на вес золота.

Эверард заметил, как Чандракумар поджал губы. Его голос зазвучал холодно:

– Вот как? Позвольте осведомиться, что же это за главное событие?

– Нет времени вдаваться в подробности. К тому же я и сам многого еще не знаю. Я действую только как связной с вами, что-то вроде посыльного. Событие, которое Патруль должен предотвратить, может произойти через несколько лет. Что-то типа… династии Сасанидов, которая восстает и берет власть над Персией. Ждать уже недолго.

Маленький индус застыл:

– Что?! Невозможно!

Эверард криво усмехнулся:

– Это мы должны сделать событие невозможным. Но повторяю: разведывательная служба не посвящает оперативников в детали, которые им знать не следует. Однако, как я понял, замысел кучки фанатиков состоит в следующем: царь Парфии Аршак будет низложен узурпатором, который разорвет мирный договор с Антиохом, затем нападет на войско Селевкидов, возвращающееся из Индии, разобьет его и убьет самого Антиоха.

– В результате… – прошептал Чандракумар.

– Да. Вполне вероятно, государство Селевкидов распадется. Оно и без того на пороге гражданской войны. Это позволит римлянам продвинуться в Восточное Средиземноморье, если только парфяне не возжелают отомстить за унижение Антиоха и не позволят им пройти на восток, где царит безвластие, что, в свою очередь, восстановит Персидскую империю за три с половиной века до того, как это должны сделать Сасаниды. Можно лишь гадать, что выйдет из этой затеи, но в любом случае возникнет совсем не та история, которую мы с вами изучали.

– Этот узурпатор… тоже путешественник во времени?

Эверард кивнул:

– Мы так полагаем. Повторю еще раз: мне почти ничего не сообщили. У меня сложилось впечатление, что Патруль напал на след маленькой банды фанатиков, которые завладели каким-то образом двумя-тремя темпороллерами и хотят… я и сам не знаю чего. Заложить фундамент для Магомета, чтобы аятоллы захватили мир? Маловероятно, но их истинные замыслы могут оказаться еще более невероятными. В любом случае операция ставит целью нарушить их планы – по возможности, с минимальным воздействием на ход истории с нашей стороны.

– Да, осторожность тут не помешает, я понимаю… Разумеется, я готов сделать все, что в моих силах. А какова ваша роль, сэр?

– Как я вам говорил, я тоже исследователь узкого профиля, и область моих интересов лежит в военной сфере, точнее, меня интересуют приемы ведения войны у эллинов. Я намерен следить за осадой города в любом случае. Это гораздо интереснее, чем вы готовы признать, право же, Патруль приказал мне слегка изменить мои планы, так же как и вам. Я должен был войти в город, вступить с вами в контакт и получить информацию, собранную вами за последний год. Завтра я уезжаю, направлюсь к завоевателям и завербуюсь к ним на службу. Я слишком велик для кавалерийских лошадей этой эпохи, но сирийцы до сих пор используют пехоту – старые добрые фаланги македонцев, – и копьеносец моей комплекции будет им весьма кстати. В надлежащий момент Патруль выйдет со мной на связь, и я передам вашу информацию. После установления мира с Эфидемом я последую за сирийской армией в Индию, а затем вернусь на запад. Агент Патруля передаст мне энергетическое оружие, и, если возникнет необходимость, я должен буду защищать жизнь Антиоха. Естественно, мы надеемся, что худшего не произойдет. С узурпатором, я думаю, можно легко покончить, и мне необходимо будет лишь собрать данные о том, как сирийцы проводят военную кампанию.

– Понятно.

В ответе Эверарду послышались неодобрительные нотки: воевать против любимых Чандракумаром бактрийцев? Тем не менее он, видимо, понял необходимость этих действий и поинтересовался:

– А почему такой кружной путь? Это царство, похоже, не вовлечено в конфликт. Как бы там ни было, кто-нибудь мог просто прибыть сюда на темпороллере и повстречаться со мной в безлюдном месте.

– Просто еще одна предосторожность. Не исключено, что у неприятеля здесь есть соглядатаи, способные зафиксировать прибытие или отбытие темпороллера. Мы бы не хотели выдавать себя таким образом. Пока бандитам неизвестно, что мы установили их присутствие в этом городе, нам будет легче захватить их. И у Бактрии есть свое место в истории. До тех пор пока она существует как военная сила, парфяне вынуждены проявлять больше осмотрительности.

«Слишком многословно, но, по крайней мере, правдиво, – подумал Эверард. – А теперь немного вранья…»

– В планы фанатиков, возможно, входит уничтожение экономической мощи Бактрии. А может, и нет, – может, их всего жалкая кучка, но мы стараемся не упустить ни единой мелочи. Перед отправкой с базы вам было дано указание держать в поле зрения всякого гостя, который выглядит подозрительно. И вот я здесь, чтобы выслушать, что вам удалось узнать.

– Понятно, – повторил Чандракумар, однако уже вполне дружелюбно, показывая, что он жаждет помочь.

Картина, нарисованная Эверардом, как и следовало ожидать, напугала Чандракумара, хотя внешне он хранил спокойствие, поглаживая подбородок и устремив взор в тусклое пространство.

– Трудно сказать, кто в большей степени привлек мое внимание. Этот город – словно котел, и здесь бывают люди со всего света. Будет жаль, если по моей оплошности сыщики потратят силы на безобидного человека.

– Не волнуйтесь. Рассказывайте. Вашу информацию проанализируют в будущем.

– Не могли бы вы как-то сориентировать меня… наводящими вопросами?

– Вот вам наводящий вопрос: кто останавливался в этом доме, заходил выразить свое почтение, поболтать, а заодно выяснить, появлялись ли в городе необычные люди?

– Было несколько таких приезжих. Вихара – вроде редакции устного вестника, и не только для буддистов, как вы понимаете.

«Правильно, именно по этой причине. Патруль полвека назад незаметно помог создать это заведение. В средневековой Европе мы делаем то же самое с некоторыми монастырями», – подумал про себя Эверард, а вслух сказал:

– Продолжайте. И подробнее, пожалуйста.

– В соответствии с инструкцией, я обосновался здесь, не перебираясь в более удобный квартал, и таким образом меня мало кто мог миновать. Большинство из тех, кто сюда заглядывал, никаких подозрений не вызывают. Желательно поточнее определить, что вас интересует.

– Люди, которые, по вашим впечатлениям, не вписывались в эту эпоху – внешне или с точки зрения культуры… Вообще, как-то выделялись. Мне сообщили, что банда неоднородна по составу.

Пламя в глиняной плошке высветило неуверенную улыбку индуса.

– Судя по тому времени, откуда вы прибыли, вам чудятся арабские террористы? Здесь побывало двое арабов, но у меня нет причин сомневаться в том, что это всего лишь торговцы пряностями, как они и сказали. Были еще ирландцы… Да, двое, судя по всему, ирландцев. Черные волосы, мраморно-белая кожа, которой словно бы не коснулось азиатское солнце, тонкие черты лица. Если они действительно из тех краев, то они не могут быть современниками. Сейчас ирландцы еще варвары, охотники за черепами.

Эверарду пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выдать растущий интерес. Он доверял интуиции, но, когда подкрадываешься к такому врагу, с каким имел дело Эверард, нельзя давать ему лишний шанс. Экзальтационисты наверняка понимают, что по крайней мере один специалист по истории находится в городе постоянно. Если они сочтут необходимым вычислить историка, им это не составит особых хлопот. Поэтому собственные следы надо заметать.

– И кем они представились? – спросил Эверард.

– Я не слышал их разговора с Зенодотом. Он – грек из новообращенных, наиболее активный в миру среди всех здешних монахов. Я пытался выжать из него побольше информации, но, конечно, не забывал приказ не проявлять назойливого любопытства. Он рассказал мне, что те двое, по их словам, галлы, цивилизованные галлы из окрестностей Марселя.

– Возможно. Я слышал, что галлы добирались до очень отдаленных мест, но чтобы они очутились здесь?

– Сомнительно. Именно их внешность и заставила меня задуматься. По-моему, южные галлы больше похожи на французов-южан нашей эпохи. Хотя не исключено, что их род перебрался на юг с севера галльских территорий. Они сказали Зенодоту, что здесь им понравилось, и интересовались, выгодно ли будет разводить лошадей, если обосноваться подальше от города. Я не слышал, чтобы из этого что-то вышло. С той поры я раза два мельком видел их или людей, похожих на них, на улицах. Судя по сплетням, куртизанка, которая в последнее время снискала себе довольно сомнительную известность, тоже может быть из их компании. Это все, что я знаю. Вам это пригодится?

– Не знаю, – пробормотал Эверард. – Моя задача лишь в том, чтобы передать вашу информацию непосредственным участникам операции.

«Прячемся, заметаем следы…»

– Что еще? Какие-нибудь путники, которые называли себя ливийцами, египтянами, евреями, армянами, скифами, или даже что-нибудь более экзотическое, но по облику не совсем соответствовавшее указанной национальности?

– Я внимательно приглядывался к людям на городских улицах и здесь, в доме. Но учтите, у меня нет подобного опыта и мне нелегко распознать такие аномалии. У греков и иранцев, например, слишком сложные для меня этнические корни. Однако могу сказать, что здесь, если мне не изменяет память, месяца три назад побывал человек из Иерусалима. Я передам вам записи моих наблюдений. Палестина находится, как вы знаете, под властью Птолемея Египетского, с которым Антиох в натянутых отношениях. Тем не менее человек этот совсем не упоминал о трудностях в путешествии по территории Сирии…

Эверард слушал уже рассеянно. Он был уверен, что «галлы» и «Феона» – это те, за кем он охотится. Ему, однако, не хотелось, чтобы Чандракумар понял ход его мыслей.

– …с полдюжины представителей племени тохар из окрестностей Джакарды, которые добрались сюда, миновав Согдиану, чтобы торговать мехами. Как они получили разрешение на въезд…

Кто-то закричал. В коридоре послышались шаги. Затем глухой стук тяжелых сапог и бряцанье металла.

– Черт! – Эверард вскочил на ноги.

Он отправился в город безоружным, как и полагалось гражданскому лицу; спецснаряжение он тоже оставил в доме Гиппоника, чтобы случайно себя не выдать.

«Это за тобой, старина Мэнс!» – отчаянная мысль человека, знающего все наперед.

Рука резко рванула занавес в сторону. В тусклом свете фитиля заблестели шлем, нагрудник кирасы, поножи, обнаженный меч. Еще двое мужчин стояли темными тенями за спиной первого. Остальные, вполне возможно, ждали при входе в дом.

– Городская стража! – громогласно объявил по-гречески воин с мечом. – Меандр из Иллирии, ты арестован!

«В какой я комнате, они узнали на входе, но откуда им известно мое имя?»

– Великий Геракл! – вскрикнул Эверард. – За что?! Я ничего не сделал!

Чандракумар забился в угол.

– Ты обвиняешься в том, что ты – сирийский лазутчик.

Закон не обязывал командира отряда объяснять причину ареста, но беспокойство, придавшее грубость его голосу, развязало ему язык.

– Выходи! – Острием меча он указал на коридор.

Если сопротивляться, ему достаточно одного шага и выпада, чтобы вонзить меч в живот противника…

«За всем этим наверняка стоят экзальтационисты… Но как они узнали? Как им удалось провернуть это дело так быстро? – думал Эверард. – Впрочем… тот, кто колеблется, всегда проигрывает…»

Эверард вытянул руку и смахнул светильник с полки. Масло на мгновение вспыхнуло, но тут же растеклось по полу. Эверард бесшумно метнулся в сторону и присел на корточки. Ослепленные темнотой македонцы зарычали и заметались по комнате.

Эверард, привыкший ко мраку, прекрасно видел их темные силуэты. Он поднялся и нанес стремительный удар открытой рукой. Треснула кость. Голова стражника откинулась назад, меч со звоном выпал из руки, он повалился на своих спутников и осел бесформенной грудой у их ног.

Ударить кулаком – в такой темноте можно сломать пальцы, да и развернуться было негде. В сознании промелькнула надежда, что он не убил человека, который просто выполнял свой долг и у которого, несомненно, есть жена и дети… Мысль тут же исчезла. Действуя руками

и ногами, Эверард пробился сквозь стражу. Впереди вопил и размахивал руками четвертый стражник: он опасался, что его клинок может угодить в своего, но надеялся задержать беглеца, чтобы его товарищи могли напасть сзади. Его светлый килт метался в темноте броским пятном. Эверард ударил стражника коленом. Крики обратились в стон, и Эверард услышал, как еще один воин споткнулся на том месте, где корчился от боли его товарищ.

Тем временем патрульный оказался уже в общей комнате. Трое монахов в ужасе отшатнулись. Эверард проследовал мимо к порогу и выскочил на улицу.

Карта в голове подсказывала путь – первый поворот налево, затем третий переулок, потому что он пересекается с аллеей, куда выходит множество одинаковых петляющих тропинок… Крики где-то вдали… Вот какая-то развалюха, палатка, в которой в оживленные часы торгуют дешевым товаром… Выглядит довольно прочно… Можно подтянуться на руках и залечь на крыше, если покажется преследователь…

Никто не объявился. Переждав немного, Эверард спустился на землю.

Сумерки сгущались в ночной мрак. Одна за другой над отвесными стенами города высыпали звезды. Опустилась тишина: поскольку уличных фонарей не было, большинство жителей прятались по домам еще до наступления темноты. Воздух посвежел. Эверард вздохнул полной грудью и неторопливо зашагал прочь…

На улице Близнецов было, по счастью, темно и почти безлюдно. По пути ему попался лишь мальчишка с факелом, затем мужчина с фонарем, оправленным роговыми пластинами. Сам Эверард вышагивал теперь как достопочтенный гражданин, неожиданно застигнутый темнотой, из-за чего ему приходится идти при свете звезд, тщательно выбирая дорогу, чтобы не угодить в грязь. У него был с собой электрический фонарик – единственный анахронизм, что он решился взять в город. Фонарик лежал среди монет в кошельке на поясе, замаскированный под священный амулет. Но это лишь на крайний случай. Если кто-то заметит свет фонарика, объяснить это будет гораздо сложнее, чем, скажем, пропахшую потом тунику.

Изредка окна домов выходили на улицу – как правило, на верхних этажах. Ставни были закрыты, но тусклый желтоватый свет просачивался сквозь щели. Обитатели домов, верно, ужинали, выпивали по чаше на сон грядущий, судачили о новостях дня, развлекались играми, рассказывали детям сказки перед сном, предавались любви. Где-то звенела арфа, мимо Эверарда проплыл, как дуновение бриза, обрывок грустной песни. Все вокруг казалось еще более далеким, чем звезды…

Сердце патрульного тяжело билось в привычном ритме. Усилием воли он пытался избавиться от напряжения в мышцах, не позволяя себе, однако, расслабляться. Надо было думать…

Почему возникло это ложное обвинение и кто пытался избавиться от него? Перепутали? Едва ли… Ведь стражники знали его имя. Кто-то не только назвал его имя, но и описал внешность, когда отдавал распоряжение об аресте. Очевидно, они хотели избежать накладок, чтобы не встревожить заранее его и тех, с кем Эверард мог быть связан. Экзальтационисты стремились действовать незаметно – так же как и он.

Конечно экзальтационисты. Кто же еще? Но у них, скорее всего, нет тайных рычагов, чтобы управлять правительством… Пока нет. Они не могли отправить своих людей под видом городской стражи – слишком рискованно. Равно как и не могли лично послать настоящую стражу. Нет, они действовали через кого-то, кто имеет власть или, по крайней мере, политический вес, чтобы организовать такую акцию.

Кто? Вопрос возвращал Эверарда к исходной точке. Кто его выдал?

«Зоил. Теперь – что называется, задним умом – я понимаю это предельно отчетливо. Важная фигура в городе; кроме того, влюблен в Феону до самозабвения. Она, должно быть, понарассказала ему о врагах, которые ищут ее даже здесь, в этом далеком прибежище, и просила Зоила сообщать о чужеземцах, которые начнут расспрашивать о людях ее племени. Имея широкий круг связей, Зоил без труда мог узнать о таких незнакомцах…»

– И надо же, я ему вчера у Гиппоника все сам рассказал, – мрачно пробормотал Эверард.

«Сегодня он, видимо, и рассказал все Феоне. Хотя Зоил, вероятно, принял Меандра просто за любопытствующего… Она же заподозрила нечто более серьезное и уговорила Зоила послать стражников. Ему наверняка потребовалось несколько часов… Зоил не состоит на военной службе – пришлось искать офицера, на которого он мог бы надавить… Тем более что все нужно было провернуть втихую…

При таком росте и внешности меня легко выследить… – Эверард вздохнул. – Они схватят Чандракумара – как возможного соучастника. Кроме того, нужно же демонстрировать какие-то результаты… Им и без того достанется по пять-шесть плеток за то, что упустили преступника. Бедняга…

Когда экзальтационисты поймут, что индус не в состоянии выдать нужные им сведения, в пытках не будет смысла – разве только для забавы. Однако сам факт блокировки сознания уже докажет им, что он явился из будущего. Но даже если у них есть кирадекс для снятия гипнотической блокировки, выболтанные им секреты все равно должны увести в сторону… Хорошо, что Шалтен меня поднатаскал перед этим заданием… По крайней мере, я оставил ложный след…»

Прочие его преимущества – выучка, знания, сила, ловкость, природная сообразительность, туго набитый кошелек – тоже пока в силе… Если, конечно, это потребуется. Были еще всякие приспособления, но, кроме фонарика, все осталось в доме Гиппоника. Кольцо, например, вмещало передатчик для коротких сообщений. Мощность его была совсем незначительной, но приемники Патруля могли улавливать даже отдельные фотоны, и в эти времена еще не существовало никаких помех. Медальон богини Афины был более мощным, двухканальным передатчиком. В рукоятке ножа таился излучатель-парализатор с двадцатью зарядами. Меч служил одновременно и энергетическим ружьем.

И Эверард был не одинок в этой эпохе. Исследователи истории, как Чандракумар, другие ученые, предприниматели, просто эстеты и любители необычного исчислялись на планете сотнями. Что более важно, Патруль располагал станциями в Риме, Александрии Египетской, Антиохии Сирийской, Гекатомпиле, Паталипутре, Хиен-Яне, Куикуилко и региональными отделениями. Они все знают об операции, и на сигнал бедствия помощь придет незамедлительно. Если только он сможет добраться до своей аппаратуры.

Что, в лучшем случае, было бы поступком безумца. Экзальтационисты, должно быть, предприняли все доступные им меры предосторожности. Эверард не знал, какие именно у них приборы обнаружения, но они, как минимум, ведут непрерывное наблюдение за возможными сигналами из города и его окрестностей и способны выявить появление здесь темпороллера. Они наверняка готовы сбежать, скрыться в неизвестности, едва только поймут, что Патруль вышел на их след.

Но вряд ли все они могут удрать сразу же. Многие из них нередко оказываются вдали от спрятанных темпороллеров. Но наверняка не все: кто-то обязательно дежурит. И если сбежит хотя бы один, этого уже достаточно, опасность сохранится…

Даже с выученной под гипнозом картой сориентироваться без освещения или вывесок было нелегко. Эверард дважды сбивался с пути и бранился про себя. Он спешил. Узнав о провале ареста, экзальтационисты непременно через того же Зоила пошлют человека в дом Гиппоника, чтобы забрать вещи Меандра и устроить засаду их владельцу. Эверарду нужно было оказаться на месте первым, скормить купцу какую-нибудь правдоподобную историю, собрать пожитки и исчезнуть.

Вряд ли туда сразу отправилась вторая группа: у Зоила и без того проблем хватило, когда пришлось использовать свои связи, чтобы послать в вихару четверых стражников. Кроме того, два отряда увеличили бы риск нарваться на неподкупного офицера, который потребовал бы объяснений, а такой поворот дела бросил бы тень на Феону.

«Но как бы то ни было, нужно быть начеку. Хорошо, что телефон еще не изобрели», – подумал Эверард.

Он остановился как вкопанный. Внутри у него что-то оборвалось.

«У-у-у… – простонал он, потому что бранных слов уже недоставало. – Боже, ну чем я думал? Сейчас хоть сообразил…»

Он сделал шаг в сторону, в темноту под стеной, прислонился к шершавой штукатурке, прикусил губу и ударил кулаком в ладонь.

Стояла глубокая ночь, усыпанная сверкающими холодными звездами, над Орлиной башней повис серп луны. На улице, где живет Гиппоник, точно такое же освещение. Эверарда будет отлично видно у дверей, когда он, постучав, станет дожидаться раба-привратника, чтобы тот открыл и впустил его в дом.

Он взглянул вверх. Ярко светила Вега в созвездии Лиры. Ни одного движения, только мерцают звезды. Не видимый глазом темпороллер может висеть на высоте, пока оптические приборы не засекут его. Прикосновение к пульту – и машина внизу. Даже убивать не надо: выстрел из парализатора, закинуть обмякшее тело на сиденье – и на допрос.

Ну конечно же! Когда Раор узнает о том, что произошло в вихаре, а это случится очень скоро, она просто пошлет одного из своих людей на пару часов назад, чтобы тайно наблюдать за домом купца, пока не объявится беглец или не прибудет стража. У Патруля не было темпороллера поблизости, и Эверард не мог его вызвать. Впрочем, он и не стал бы. Арест наблюдателя мог бы спугнуть остальных экзальтационистов.

«Может, она недодумается? Я-то вот не сразу догадался… – Эверард тяжело вздохнул. – Нет, слишком рискованно. Экзальтационисты, может быть, и сумасшедшие, но они отнюдь не глупы. Даже их слабая сторона – чрезмерная осторожность и предусмотрительность – играет сейчас в их пользу. Придется уступить им свое снаряжение».

Скажет ли оно им что-то? Есть ли у них оборудование, чтобы выявить его секреты? Положим, таковое имеется, но они вряд ли узнают что-нибудь новое – разве что поймут, что Джек Холбрук не совсем идиот.

Слабое утешение, когда Мэнс Эверард остается совершенно безоружным.

Что делать? Покинуть город до прихода сирийцев и пробираться к ближайшей станции Патруля? До нее сотни миль, и не исключено, что он сложит кости где-нибудь на этом пути, навсегда похоронив добытые им сведения. Если же он уцелеет в путешествии, то ему вряд ли позволят перенестись на темпороллере туда, откуда он вынужден был бежать. И Патруль не сможет потратить еще несколько биологических лет на подготовку и столь же тщательно отработанную заброску другого агента.

«Это не имело бы значения для Раор, если бы она столкнулась с подобной дилеммой. Она бы просто вернулась назад, уничтожила первоначальные планы и занялась новыми. И черт с ними, с причинно-следственными вихрями, непредсказуемыми и бесконтрольными последствиями для истории. Хаос – вот что нужно экзальтационистам. Из него они создадут свое царство.

Если я прекращу работу и каким-то образом передам предупреждение Патруля, помощь будет оказана открыто – эскадрильей темпороллеров, ворвавшихся в ночь. Операция, возможно, спасет Чандракумара и определенно положит конец замыслам Раор. Но тогда она и ее подручные скроются, чтобы продолжить свои попытки, и мы не будем знать, где и когда они объявятся в следующий раз. – Эверард пожал плечами. – Выбор у меня невелик».

Он повернулся и двинулся в сторону реки. Интуиция подсказывала ему, что там находятся несколько дешевых таверн и в любой он найдет ночлег, убежище, а может, и новые сплетни о Феоне. Завтра. Завтра царь вернется домой с неприятелем, наступающим ему на пятки.

«Полагаю, мне не стоит слишком удивляться такому повороту событий. Шалтен и его ребята разработали прекрасный план. Но каждый патрульный знает, или обязан знать, что в любой операции именно планы погибают первыми».

1987 год от Рождества Христова

Дом находился в пригороде Окленда, где вы общаетесь с соседями ровно столько, сколько вам хочется. Дом был небольшой, скрытый пиниями и дубами, росшими в конце ведущей в гору подъездной аллеи. Оказавшись внутри, Эверард нашел обстановку холодной, мрачноватой и старомодной. Красное дерево, мрамор, вышитая обивка, толстые ковры, темно-бордовые портьеры, книги на французском в кожаных переплетах с золотым тиснением. Великолепные копии Тулуз-Лотрека и Сера́, выполненные с предельной точностью, совершенно не вязались с интерьером.

Шалтен обратил внимание на выражение лица Эверарда.

– Да-да, – произнес он по-английски с акцентом, который Эверард не мог определить, – мое любимое пристанище, pied-à-terre, так сказать, – Париж старых добрых времен. Утонченность до отвращения, стремление к новизне, доводящее до умопомешательства, а для наблюдателя, знающего все наперед, – пикантность с оттенком горечи. Когда мне предложили работу здесь, я захватил эти вещи с собой на память. Пожалуйста, будьте как дома. Я приготовлю нам выпить.

Он протянул руку, и Эверард пожал ее, костлявую и сухую, как птичья лапка. Агент-оперативник Шалтен был тщедушным человечком со сморщенным лицом и массивным лысым черепом. Наряд его состоял из пижамы, шлепанцев, вылинявшего халата и кипы, хотя он вряд ли исповедовал иудаизм. Когда штаб-квартира Патруля договаривалась о встрече, Эверард поинтересовался, где и когда появился на свет хозяин дома.

– Вам незачем это знать, – последовал ответ.

Вначале Шалтен был по-настоящему гостеприимен. Эверард устроился в чересчур плотно набитом кресле и отказался от шотландского виски, так как ему предстояло возвращаться в отель на машине, однако согласился на пиво. Чай с «Амаретто» и «Трипл сек» не соответствовали французским вкусам Шалтена, но постоянство, похоже, было ему не свойственно.

– Если вы не возражаете, я буду стоять, – послышался надтреснутый голос.

Длинная трубка лежала на бюро рядом со специальной коробкой, поддерживающей определенную влажность табака. Он набил трубку и закурил тошнотворно-душистую смесь. Эверард, отчасти из самозащиты, раскурил свою, вырезанную из корня вереска. Атмосфера все же располагала к общению.

В конце концов, их объединяла общая цель, и Шалтен, понимая это, постарался разрядить обстановку.

Болтовня о погоде, о пробках на дорогах, о преимуществах кухни у Тадича в Сан-Франциско заняла первые минуты разговора. Затем он обратил на гостя странно поблескивающие желто-зеленые глаза и произнес:

– Итак, вы расстроили планы экзальтационистов в Перу и частично устранили их. Захватили сбежавшего испанского конкистадора и вернули его туда, где ему положено быть. Вы вновь столкнулись с экзальтационистами в Финикии и также вывели из строя несколько бандитов.

Подняв руку, Шалтен продолжил:

– Нет, пожалуйста, без излишней скромности. Конечно, подобные операции требуют хорошо сработавшейся команды. В организме великое множество клеток, и все они функционируют, потому что ими управляет дух. Вы не только руководили работой группы, но и дей-

ствовали при необходимости в одиночку. Примите мои поздравления. Вопрос в том, хватило ли вам времени на отдых после этой операции?

Эверард кивнул.

– Вы уверены? – настаивал Шалтен. – Для отдыха пока есть время. Вам пришлось немало пережить, это серьезная нагрузка. Мы разрабатываем следующий этап, и он будет, похоже, еще более опасным и напряженным.

Шалтен изобразил на лице улыбку.

– Или, учитывая ваши политические взгляды, я должен был сказать, что работа будет опасной и ответственной.

Эверард рассмеялся:

– Спасибо! Благодарю вас. Но я в самом деле готов работать. Меня беспокоит, что экзальтационисты до сих пор разгуливают на свободе.

На английском это замечание звучало нелепо, но только темпоральный язык имел грамматическую структуру, пригодную для описания перемещений во времени. Пока не требовалась абсолютная точность, Эверард предпочитал родной язык. Собеседник отлично понял, что́ подразумевал патрульный.

– Надо завершить эту работу, прежде чем они покончат с нами.

– От вас никто не требует непосредственного участия в событиях, – сказал Шалтен. – И хотя Штаб надеялся, что вы, с вашей квалификацией, проявите инициативу, но они на этом не настаивали.

– Я сам хотел этого, – проворчал Эверард. Он крепко сжал чашечку трубки, чувствуя, как согреваются пальцы. – Хорошо. Каков ваш план и как в него впишусь я?

Шалтен выпустил клуб дыма.

– Сначала подоплека. Вам известно, что тринадцатого июня тысяча девятьсот восьмидесятого года экзальтационисты находились в Северной Калифорнии? По крайней мере один из них имеет прямое отношение к провокации в Финикии. Они предприняли строгие меры предосторожности, использовали разрешенные перемещения во времени, чтобы замаскироваться, и так далее. У нас нет возможности взять их там. Сам этот факт может открыть нам путь для разыгрывания новой партии, но они, понятно, знают, что мы о них знаем. В тот день экзальтационисты держались особенно осторожно, тщательно избегая любых действий, в которых не были абсолютно уверены.

– М-да. Разумеется.

– Однако, изучив вопрос, я пришел к выводу, что существует еще одна небольшая зона в пространстве-времени, где, вероятно, они скрываются. Это только предположение, точные данные отсутствуют, но сама гипотеза заслуживает внимания.

Длинный мундштук указал на Эверарда.

– Догадываетесь, о чем речь?

– Ммм… здесь и сейчас. Ведь вы поэтому сейчас здесь.

– Правильно. – Шалтен усмехнулся. – Я провел недели в этой отвратительной эпохе, вынашивая планы, продумывая ловушки, кропотливо перебирая деталь за деталью. И так каждый день. Не исключено, что напрасно. Как часто человек растрачивает свой интеллект впустую! Поможет ли вам выпестованный мною плод? – Он выпустил изо рта тягучее облако дыма. – Догадываетесь, как я дошел до мысли о перспективах этого периода для нас?

Эверард оцепенел, словно стоявший перед ним человек превратился в гремучую змею.

– Боже мой! – прошептал он. – Ванда Тамберли!

– Молодая леди, наша современница, угодившая в перуанскую переделку, – кивнул Шалтен и продолжил подчеркнуто неторопливо: – Позвольте высказать мои доводы, хотя вы и сами теперь без труда сумеете восстановить события. Когда провалилась попытка присвоить выкуп за Атауальпу, экзальтационисты взяли в плен двух человек – дона Луиса Кастелара и

нашего законспирированного специалиста Стивена Тамберли, чье присутствие в сокровищнице помешало им совершить задуманное, – как они надеялись, ненадолго. Припоминаете? Позже они разобрались, что Стивен работает в Патруле, и его допрашивали под воздействием кирадекса. Когда Кастелар вырвался на свободу и скрылся на темпороллере, захватив с собою Тамберли, экзальтационисты собрали всю возможную информацию о Стивене и его прошлом. Ваши люди, вновь атаковав, уничтожили и захватили в плен почти всех.

«Конечно, я припоминаю, черт побери!» – проворчал про себя Эверард.

– Теперь взгляните на случившееся глазами тех, кто сбежал или находился тогда в другом месте, – продолжал Шалтен. – Произошла какая-то ужасная ошибка, и они страстно желают разобраться в ней. Простыл ли след, по которому до них добрался Патруль, или, быть может, он выведет сыщиков на оставшихся экзальтационистов?

Они отчаянно смелы и умны. Они досконально исследуют все возможные ходы, и мы не в состоянии препятствовать им. Так же как не в состоянии охранять каждого человека, причастного к этой истории. Экзальтационисты могли вернуться в Перу после тысяча пятьсот тридцать третьего года и осторожно разузнать последующую биографию Кастелара. Возможно, подобное, но в меньших масштабах, было проделано с Тамберли. Не требует доказательств и то, что они не знают всего о той веселой погоне, в которую нас вовлек Кастелар, и о том, как мы вытащили Тамберли, и как в это была втянута его племянница. Их сведения отрывочны, выводы весьма неполны и расплывчаты. Тем не менее они, очевидно, считают себя вне опасности, доказательством чего является их шальная выходка в Финикии.

Во-первых, я уверен, что они проводили тщательное расследование по всем, кого упомянул Тамберли во время изощренного и жестокого допроса: круг общения, знакомые, родственники. Ведя наблюдение, они вполне могли обнаружить веские причины, чтобы заподозрить его племянницу Ванду в причастности к этому делу, тем более что ей предложили вступить в ряды Патруля. Это произошло в мае тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года.

– А мы сидим здесь и мирно беседуем! – воскликнул Эверард.

Шалтен поднял руку:

– Умоляю, успокойтесь, друг мой. С какой стати им нападать на нее или на кого-нибудь еще? Дело сделано. Они беспринципны и жестоки, как дикие коты, но не глупы и не мстительны. Семейство Тамберли больше не представляет для них угрозы. Напротив, они действуют с чрезвычайной осторожностью, так как полагают, что мисс Ванда – под тайным надзором Патруля, который ждет, когда экзальтационисты клюнут на нее. Они не чувствуют никаких угрызений совести, используя человека в качестве приманки. Думаю, что они не решатся ни на какие серьезные действия, они лишь наблюдают, по крупицам собирая информацию, и прячутся где-то во времени.

– И все-таки…

– Не беспокойтесь, она находится под нашим наблюдением – на всякий случай. Я считаю, что неожиданностей не будет и это бдение – только трата драгоценного времени. Но штабквартира настаивает, ничего не поделаешь. Так что расслабьтесь.

– Хорошо, – буркнул Эверард, хотя на душе у него было неспокойно.

«Почему я так волнуюсь? Да, она изящна, сообразительна, хороша собой, но это обычная девушка из рода человеческого, миллион лет обитающего на Земле», – подумал Эверард, а вслух произнес:

– Хватит вступлений. Не пора ли перейти к сути?

Шалтен отпил маленький глоток.

– Заключительный результат моих размышлений, – сказал он, – я сообщил вам в начале беседы. Весьма похоже, что один или несколько экзальтационистов находятся на побережье в районе Сан-Франциско в течение нескольких дней текущего месяца – мая тысяча девятьсот

восемьдесят седьмого года. Но они настолько осмотрительны, что мы не можем выследить их. Но мы готовим им ловушку.

Эверард залпом допил пиво, подался вперед и задымил трубкой.

– Как?

– Вы обратили внимание на дело, связанное с бактрийским письмом? – поинтересовался Шалтен.

– Связанное с чем? – задумчиво переспросил Эверард. – Нет, я… пожалуй, упустил это из виду. Что-нибудь новое? Я очень недолго пробыл в том отрезке времени и занимался делами.

Шалтен кивнул массивным черепом:

– Понимаю. Вы занимались перуанскими событиями, затем ваше внимание переключилось на очаровательную молодую леди, а когда человеку наперед известно, что уготовано этому веку историей, он становится невосприимчивым к проблемам сегодняшнего дня. Тем не менее я полагал, что вы в курсе. Это не просто сенсация местного значения. Она интересна специалистам, но в то же время весьма занимательна и для общественности. Так сказать, небольшая международная сенсация-однодневка.

– Которую вам удалось организовать точно в соответствии с вашим желанием, – заключил Эверард. Сердце его тревожно екнуло.

– Потому-то я и здесь.

«Как он проделывает эти фокусы? Плетет паутину связей, операций, выдумывает сказочки и скармливает их специально отобранным журналистам – и все это вытворяет сие тщедушное создание. Даже при том, что основную работу делают компьютеры, он заслуживает благоговейного трепета. Но не спрашивай его, не надо, не задавай вопросов, иначе он заговорит тебя до смерти», – подумал Эверард, а вслух сказал:

– Пожалуйста, просветите меня.

– Мы могли бы выбрать июнь тысяча девятьсот восьмидесятого года, потому что твердо знали, что экзальтационисты там, – объяснил Шалтен. – Но я подумал, что фокус может не сработать, поскольку они не только предельно осторожны, но и присутствие их оказалось слишком кратким. Могло случиться так, что они просто не заметили бы нашу приманку. Этот год лучше – если, конечно, они здесь появятся. Им понадобится по крайней мере несколько дней, чтобы изучить семейство Тамберли. Им, замаскированным под обычных людей двадцатого столетия, придется жить в гостинице, ездить на автобусе – в общем, скука, от которой они станут избавляться с помощью газет, телевидения и прочего. Кроме того, они обладают живым умом и заинтересуются окружающим их миром, который представляется им древней стариной. И тогда… как я уже сказал, в прессе появится сенсация, которая, по-моему, привлечет их внимание. Ненадолго, конечно; история вскоре забудется. Но если известие заинтересует их, это подтолкнет экзальтационистов к действию – например, к сбору научных публикаций по данной теме.

Эверард вздохнул:

– Нельзя ли еще пива?

– С удовольствием.

Эверард поудобнее устроился в кресле, а Шалтен по-прежнему стоял перед ним с длинной трубкой, похожий на фоне прекрасного старинного бюро на карикатуру.

Эверард услышал:

– Что вам известно о греческом государстве Бактрия?

– Гм, э-э-э… позвольте подумать…

Его исторические познания в основном касались тех обществ и эпох, в которых он работал, в остальном же были весьма отрывочными.

– Бактрия располагалась на севере современного Афганистана. В свое время Александр Македонский прошел по этим местам и включил их в состав своей империи. Туда двинулись

греческие колонисты. Позже они объявили себя независимыми, завоевали… мм… бóльшую часть Афганистана и отхватили довольно большой кусок от Северо-Западной Индии.

Шалтен одобрительно кивнул:

– Неплохо, учитывая, что это без подготовки. Конечно, предстоит кое-что подучить и провести разведку на месте – предполагаю, в тысяча девятьсот семидесятом году, накануне событий в Афганистане, когда вы сможете приехать туда под видом туриста. – Шалтен набрал воздуха в хилую грудь и продолжил: – Два года назад русский солдат в горах Гиндукуша наткнулся на древнегреческую шкатулку, которую, по всей вероятности, выбросило на поверхность в результате обстрела района повстанцами. Захватывающая история. Пикантность ей придает расплывчатость официальных сообщений – типичный атрибут советской секретности. Дело в том, что солдат передал находку командиру и в конце концов она оказалась в Институте востоковедения в Москве. Сейчас некий профессор Л. П. Соловьев опубликовал результаты своих исследований. Он не сомневается в подлинности шкатулки и подчеркивает, что эта находка проливает свет на период, мало известный историкам. Бóльшая часть сведений о нем, которыми наука располагала до сих пор, почерпнута, за неимением источников, из монет.

– Что было в шкатулке?

– Позвольте мне прежде обрисовать ситуацию. Бактрия занимала территорию между Гиндукушем и Амударьей. На севере от нее лежала Согдиана, границей которой служила Сырдарья, – теперь река находится на территории Советского Союза. Согдианой правили цари Бактрии.

Они откололись от Селевкидов. В двести девятом году до Христа Антиох Третий начал поход на Восток через Азию, чтобы снова завладеть этим благодатным краем. Он разбил своего соперника Эфидема и осадил столицу Бактрии, куда Эфидем отступил, но Антиоху так и не удалось взять крепость. Через два года Антиох снял осаду, заключил мир и ушел на юг для утверждения своей власти в Индии. И там он тоже побеждал путем переговоров, а не завоеваний. Осада Бактрии в свое время была известна не меньше, чем осада Бельфорта во Франции, хотя подробности тех славных дней не дошли до нас.

Итак, в шкатулке, найденной русским солдатом, находился папирус, значительная часть которого сохранилась. Радиоуглеродный и прочие виды анализа подтвердили подлинность памятника. Выяснилось, что это письмо Антиоха, отправленное неизвестному лицу на юго-запад. Гонец и его эскорт, вероятно, попали в беду; скорее всего, пали жертвой грабителей на горных тропах. Почва погребла шкатулку, которую убийцы отшвырнули, не обнаружив в ней сокровищ, а сухой воздух сохранил документ.

Шалтен допил черничный чай и неторопливо отправился на кухню за ликером, чтобы приготовить себе еще одну чашку. Эверард терпеливо ждал.

– Что сообщалось в послании?

– Вы можете познакомиться с копией. Я вкратце изложу вам суть. Антиох описывает, как вскоре после прибытия его войска к воротам Бактры Эфидем и его решительный сын Деметр совершили военную вылазку. Они внедрились глубоко в тыл врага и вернулись в город только под натиском превосходящих сил противника. Если бы операция удалась, бактрийцы могли бы выиграть войну. Безумная авантюра, следует заметить. В письме рассказывается, как Эфидем и Деметр, находясь в авангарде, едва не погибли во время контратаки Антиоха. Захватывающая история, которая, думаю, доставит вам удовольствие.

Эверард, повидавший на своем веку достаточно поверженных наземь людей, истекающих кровью и с вывороченными внутренностями, лишь спросил:

– Кому писал Антиох?

– Эта часть документа утрачена. Не исключено, что своему военачальнику, находящемуся в качестве «военного советника» в марионеточном государстве Гедрозии на берегу Персидского залива, или сатрапу из подчиненной Антиоху провинции на дальнем западе. Важно

другое: он пишет, что военная стычка с Эфидемом и Деметром убедила его в нереальности быстрой победы над Бактрией, а потому планы нападения на Индию с запада следует отложить. В конце концов они отказались от этой затеи.

– Понятно.

Трубка Эверарда потухла. Он набил ее заново и раскурил.

– Выходит, рейд в тыл врага и последовавшее за ним сражение были не просто инцидентом?

– Вот именно, – произнес Шалтен. – Профессор Соловьев в «Литературной газете» высказал свою гипотезу, и вот она-то и вызвала всеобщий интерес.

Он выдохнул клуб дыма, отпил маленький глоток чая и продолжил:

– Антиох Третий вошел в историю под именем Антиоха Великого. Унаследовав империю в состоянии распада, он восстановил бóльшую часть того, что было утеряно. В битве при Рафии он уступил Финикию и Палестину Птолемею Египетскому, но затем отвоевал их. Антиох установил контроль над парфянами. Он ходил в дальние походы, добираясь до Греции, предоставил убежище Ганнибалу после Второй Пунической войны. В конце концов римляне одержали верх над Антиохом, и он оставил сыну урезанные территории, но все равно это была громадная держава. Не менее важны его реформы в области культуры и права. Деятельная натура.

Эверард подавил в себе желание коснуться интимной стороны жизни Антиоха.

– Вы полагаете, если бы он погиб в Бактре…

– Депеша не указывает на какую-либо угрозу для Антиоха. Зато его враги – Эфидем и Деметр – находились в опасности. Отвлекшись от дальнейшей судьбы их государства, можно сказать, что сопротивление Бактрии повлияло на дальнейший путь Антиоха.

Шалтен, вытряхнув из трубки остатки табака, отодвинул ее в сторону, заложил руки за спину и продолжил сухое изложение материала. Холодок то и дело пробегал по спине Эверарда.

– Профессор Соловьев, пользуясь своим авторитетом и мировой известностью, делает в статье весьма оригинальные предположения. Ему удалось привлечь внимание всего мира. Сама статья Соловьева интригует. Ситуация, в которой обнаружена находка, романтична. И кроме того, профессор тонко намекает на несостоятельность марксистского детерминизма. Он предполагает, что чистая случайность – например, погиб или не погиб в битве интересующий нас человек – может определить будущее в целом. Сам факт подобной публикации – уже сенсация. Это один из первых примеров гласности, провозглашенной Горбачевым. Совершенно естественно, что статья вызвала всеобщий интерес.

– Сгораю от нетерпения прочитать ее, – отозвался Эверард почти автоматически. Он нутром чуял ветер, который нес запах тигра… людоеда. – Идея Соловьева перспективна?

– Давайте поразмышляем. Бактрия в самом начале оказывается у ног Антиоха. Победа высвобождает силу, необходимую для стремительного завоевания Западной Индии. Это, в свою очередь, усиливает позиции Антиоха против Египта и, что более важно, против Рима. Каждый может отчетливо представить себе, как Антиох приумножает трофеи на севере Таура и оказывает существенную поддержку Карфагену, благодаря которой город сохраняется в Третьей Пунической Войне. Хотя сам Антиох по натуре толерантен, его потомок пытается сокрушить иудаизм в Палестине, о чем вы можете прочитать в Первой и Второй книгах Маккавейских. Безраздельно владея Малой Азией, потомок Антиоха вполне мог рассчитывать на успех. Если бы это произошло, христианство никогда бы не зародилось, а тот мир, в котором мы существуем, превратился бы в фантом, не более, чего Патруль Времени, понятно, старается не допустить.

Эверард присвистнул:

– Вот как! Выходит, экзальтационисты, следовавшие за Антиохом и вновь объявившиеся при последующих поколениях Селевкидов, получат идеальные условия для сотворения мира, угодного им?

– Подобная мысль должна была прийти им в голову, – сказал Шалтен. – Первой, как нам известно, будет попытка в Финикии. Она провалится, и тогда уцелевшие экзальтационисты могут вспомнить о Бактрии.

209 год до Рождества Христова

С шумом и грохотом, наполнявшими воздух на протяжении нескольких часов, армия царя Эфидема возвращалась в Город Лошади. Пыль, вздымаемая копытами и ногами, закручивалась в вихревые воронки. Тучи пыли закрывали горизонт там, где арьергард бактрийской армии отбивался от передовых отрядов сирийцев. Ревели трубы, грохотали барабаны, ржали кони, вопили вьючные животные, гомонили люди.

Эверард смешался с толпой. Он купил плащ с капюшоном, чтобы скрыть лицо. В жаре и тесноте такое одеяние выглядело столь же необычно, как и его массивная фигура, но сегодня никто ни на что не обращал внимания. Эверард неторопливо шел по улицам, «отрабатывая город», как он называл про себя это занятие, и проигрывая все возможные ситуации, какие только он мог смоделировать с учетом сложившейся обстановки.

Всадники кнутами расчищали себе путь от ворот к казармам. За ними следовали солдаты, серые от пыли, изнуренные усталостью, измученные жаждой. Тем не менее они двигались правильным строем. Большинство – верхом. Острия пик сверкали над вымпелами и штандартами, к седлу, как правило, были приторочены лук, топор и шлем. Кавалеристов редко использовали как ударную силу, поскольку стремена были еще неизвестны, однако осанкой они напоминали кентавров или команчей, а их тактика боя – «удар-бегство-удар» – вызывала в памяти волчьи повадки. Пехота, которая поддерживала конницу, представляла собой смесь из наемников, многие были родом из Ионии и Греции. Их плотно сомкнутые пики подрагивали в такт строевому шагу. Офицеры ехали верхом, в шлемах с гребнями и в узорчатых кирасах, – большей частью греки и македонцы. Горожане, прижатые к стенам, высунувшиеся из окон, высыпавшие на крыши, наблюдали за маршем, размахивая руками, подбадривая воинов и утирая слезы. Женщины поднимали малышей высоко над головами, исступленно крича:

– Смотри! Это твой ребенок!.. – Далее следовало дорогое имя мужа и отца.

Пожилые люди, прищурясь, всматривались в лица проходящих воинов, трясли головами, словно отдались своенравию богов. Мальчишки оглушительно кричали, уверенные в том, что вскоре врага настигнет верная смерть.

Воины ни разу не остановились. Они выполняли приказ разойтись по казармам. А там – глоток воды и новые приказы. Некоторых сразу ожидало дежурство на крепостном валу. Впоследствии, если неприятель не будет штурмовать городские ворота, их по очереди отпустят в короткие увольнительные. И тогда таверны и веселые дома будут переполнены.

Эверард знал, что осада долго не продлится. Город не в состоянии прокормить большое количество животных, хотя Зоил и Креон объявили, что хранилища забиты припасами. Да, осада не охватит город плотным кольцом. Люди под надежной охраной смогут брать воду из реки. Антиох попытается с помощью катапульт воспрепятствовать движению по реке, но ему не удастся остановить баржи, груженные провиантом. Случайный караван в сопровождении мощного эскорта тоже может доставить груз из других районов. Но фуража хватит лишь на ограниченное количество лошадей, мулов и верблюдов. Остальные отправятся на бойню, если Эфидем не использует их в атаках на сирийцев.

«Такова участь города в ближайшие года два. Какое счастье, что я здесь не застряну. Хотя как отсюда выбраться – это пока большой вопрос», – думал Эверард.

Когда операция завершится, независимо от того, поймают экзальтационистов или нет, Патруль будет разыскивать Эверарда, если он не объявится сам. Конечно, Патруль проверит, все ли в порядке с Чандракумаром, и заберет своего агента из армии Антиоха. До той поры,

однако, все они могут рассчитывать только на себя. И не имело значения, что агент-оперативник Эверард в силу своего ранга представлял большую ценность, чем два других специалиста, работавших здесь в качестве ученого и дежурного наблюдателя. Эверард находился в Бактрии именно потому, что способен был действовать в любой непредвиденной ситуации. Шалтен рассудил, что Раор, скорее всего, обоснуется в этом городе. Пока планы Патруля не нарушены, человек, сопровождавший Антиоха, будет всего лишь дублером. Но сейчас служебное положение не имело значения. В расчет принималось лишь качество проделанной работы. Если это стоило агенту жизни, то урон корпусу Патруля наносился значительный, но результатом операции являлось спасение будущего, и все, кому суждено было появиться на свет и выполнить свое предназначение, рождались, учились, творили. Не самая скверная сделка. Друзья вспомнят добрым словом, но после…

«При условии, что мы сможем блокировать бандитов, а еще лучше – покончим с ними».

В будущем было зафиксировано, что Патруль удачно справился с этой задачей, по крайней мере с первой частью. Но если операция не удастся, отчеты о ней никогда не появятся. Патруль никогда не создадут, а Мэнс Эверард никогда не родится на свет… Он отогнал мрачные мысли прочь, как делал всегда, когда они начинали мешать ему, и сосредоточился на работе.

Слухи подогревали напряженность, восточный темперамент грозил взрывом, переполох охватил улицы вплоть до ворот крепости. Неразбериха была на руку Эверарду, кружившему по городу и подробно изучавшему обстановку. Время от времени он сверялся с картой, запечатленной в его сознании.

Уже не один раз он прошел мимо дома, который, он был уверен, принадлежал Феоне. Двухэтажная постройка, окруженная двором, походила на другие жилища состоятельных горожан, но уступала по размерам зданиям подобного типа и была намного меньше дома Гиппоника. С фасада из шлифованного камня располагался портик, узкий, но с колоннами под фризом, украшенным барельефом. От соседей дом отгораживали аллеи. На улице, где он стоял, было полно и жилых домов, и лавок, что вполне естественно в отсутствие законов о градоустройстве. Все заведения закрывались после наступления темноты, не считая дома Феоны, но она себя не рекламировала. Так ей было удобнее.

«Прекрасно. Меня это тоже устраивает», – подумал Эверард. План действий обретал плоть.

Горожане никак не могли угомониться. Они разыскивали друзей, бесцельно слонялись по улицам, утешались в тавернах и кабачках, где цены мгновенно подскочили до небес: проститутки обоих полов и воры-карманники задыхались от избытка работы. Эверард с трудом отыскал в такое позднее время открытую лавку, где смог купить все необходимое. Главным приобретением стали нож и длинная веревка. Ему тоже пришлось заплатить больше, чем он собирался: у продавца не было настроения торговаться. Город буквально впал в истерику. Надвигалась тоска осады.

«Вдруг Эфидем потерпит поражение при вылазке? Ведь у него мало шансов. Если правитель погибнет в боевой операции и Антиох вступит в город, то сирийцы, несомненно, разграбят Бактру. Бедняга Гиппоник. Несчастный город. Жалкое будущее».

Когда шум сражения стал отчетливо слышен за крепостными стенами, прямо на глазах Эверарда началась паника. Он и сам бежал бы куда подальше, но стражники-соглядатаи следили за каждым шагом горожан. Они обязаны были подавлять любые волнения, не допуская их перерождения в мятеж, и толпы на улицах понемногу начали рассеиваться. Люди поняли, что разумнее сидеть по домам или где-нибудь еще и не суетиться.

Шум нарастал. Трубы возвещали о триумфе сражающихся, но Эверард знал, что это неправда. Сирийцы преследовали по пятам бактрийский арьергард до самых крепостных стен, пока лучники не отбили неприятеля на время, достаточное для того, чтобы захлопнуть городские ворота. Завоевателям пришлось отступить и разбить лагерь. Солнце почти закатилось,

на мостовые легла тень. По случаю возвращения арьергарда, равно как и по причине полнейшей опустошенности в душе, некоторые обитатели Бактры отважились выбраться на улицу и отметить это событие.

Эверард отыскал еще открытую таверну, немного поел и выпил, вышел на улицу и присел на постамент какой-то статуи, чтобы передохнуть. Расслабить он мог только мышцы, но не ум. Эверард нестерпимо страдал без трубки.

Мрак сгущался, и вскоре город объяла ночь. От звезд и Млечного Пути изливалась прохлада. Эверард двинулся в путь. Он старался идти как можно тише, но звук собственных шагов оглушал его.

Гандарийскую улицу наполняли лишь тени. Он обошел кругом дом Феоны, чтобы как следует осмотреться, а затем вернулся назад и затаился неподалеку от угла портика. Теперь следовало действовать без промедления. Эверард бросил на землю моток веревки, завязав на конце скользящую петлю.

Карниз выдавался вперед, растворяясь во мраке, но глаза, привыкнув к темноте, отчетливо видели его, хотя расстояние трудно было определить точно. Петля раздвинулась, когда Эверард начал вращать лассо над головой. Теперь осталось выбрать момент, чтобы забросить веревку.

Черт! Промахнулся. Эверард напрягся, готовый немедленно отступить, но ничего не произошло. Никто не услышал легкого шлепка веревки о землю. Эверард притянул лассо к себе. С третьей попытки он зацепился за карниз и завопил про себя от радости, когда веревка туго натянулась под рукой.

«Совсем неплохо».

Не то чтобы он любил знакомиться со знаменитостями, но, решив однажды, что владение лассо может когда-нибудь пригодиться, не поленился разыскать в 1910 году знатока этого искусства, согласившегося взять Эверарда в ученики. Часы, проведенные с Уиллом Роджерсом, запомнились чуть ли не как самые приятные в его жизни.

Если бы он не заметил выступа на карнизе, то прибег бы к другому способу, чтобы пробраться наверх, – например, нашел бы лестницу. Рискованно, но не так чтобы слишком. Только бы проникнуть в дом, а там уж он будет действовать по обстановке. Эверард надеялся вернуть часть или даже все снаряжение, выданное ему Патрулем. На случай, если вся банда экзальтационистов окажется в сборе и он сможет ликвидировать их одним махом. Хотя это вряд ли…

Патрульный вскарабкался наверх и подтянул за собой веревку. Припав к черепице, он снял сандалии и засунул их в скатку плаща, привязав ее куском веревки к поясу. Петлю он оставил на месте и держал только конец веревки. Ступив на карниз со стороны двора, Эверард на мгновение застыл. Он ожидал увидеть стену мрака, а в глаза ударили пучки желтого света. Он увидел бассейн, в котором дрожали отражения звезд.

«Неужели придется торчать здесь, пока в доме не улягутся спать? Как быть?» – промелькнуло в голове Эверарда.

Через минуту он принял решение.

«Нет. Нельзя так просто отказываться от плана. Если меня схватят, – он потрогал ножны, – живым не дамся. – Уныние как рукой сняло. – Вот будет фокус, если я все-таки справлюсь с задачей! Веселись, пока не вышло время!»

Эверард потихоньку опустил веревку и осторожно соскользнул по ней.

Щеки его коснулась ветка жасмина, источающего ночное благоухание. Скрываясь за живой изгородью, патрульный пробирался по саду. Мгновение, показавшееся вечностью, – и он наконец на месте, откуда удобно наблюдать и слушать. Патрульный замер.

Внутренние покои, видимо, еще не остыли от дневного зноя, окно было распахнуто настежь и не зашторено. Из своего укрытия в гуще листвы он смотрел прямо в комнату, отчетливо различая голоса.

«Счастье! Удача!»

Тут же Эверард без радости отметил, что последнее время везение приходит к нему не так уж часто. У него пересохло в горле, он вспотел, ссадина на лодыжке горела, от неподвижности ныло все тело. Но патрульный забыл обо всем, как только заглянул в окно. Да, Раор могла заставить любого мужчину потерять голову.

Комната была небольшой и предназначалась для интимных свиданий. Восковые свечи в позолоченных подсвечниках в виде папируса,[3] расставленных по всей комнате, бросали отблески на персидский ковер. Мебель черного дерева, инкрустированная розовым деревом и перламутром, утонченные эротические фрески, которые сделали бы честь Алисии Остин. Мужчина расположился на скамье, женщина – на кушетке. Прислужница ставила поднос с фруктами и вином на столик между ними.

На нее Эверард почти не обратил внимания – прямо перед ним возлежала Феона. Украшений на ней было мало, а в тех, что поблескивали на пальцах, запястьях и груди, наверняка скрывалась электроника. Одеяние простого покроя из тонкой шерсти подчеркивало изящные линии ее тела. Женское воплощение Меро Варагана, его подруга-клон, его второе «я».

– Можешь идти, Касса. – Голос низкий, она скорее пела, нежели говорила. – Сегодня ты и другие рабы не должны покидать своих комнат, если я не позову вас.

Глаза ее слегка сузились. В них промелькнули все оттенки зеленого – от малахитового до цвета морской волны, разбивающейся о риф.

– Это приказ. Передай всем.

Эверарду почему-то показалось, что прислужница вздрогнула.

– Слушаюсь, госпожа.

Она попятилась к выходу. Эверард предположил, что слуги живут наверху.

Раор отпила глоток из бокала. Мужчина на скамье шевельнулся. Одетый в белую одежду с синей каймой, он достаточно походил на Раор, чтобы можно было определить его расу. Седые пряди в волосах – вероятно, крашеные. Мужчина говорил напористо, но без живости, свойственной Варагану.

– Сауво еще не вернулся?

Он говорил на родном языке, который Эверард в свое время долго изучал. Когда охота закончится, если это вообще случится, будет жаль стирать из мозга трели и журчание чужой фонетики. Язык был не только благозвучным, но и богатым, емким настолько, что одно предложение в переводе на английский занимало целый абзац, будто люди пересказывали друг другу давно и хорошо известные им вещи.

Но все в памяти не сохранишь. Резервы ее ограничены, а впереди ждут другие операции. Так было всегда.

– Он придет с минуты на минуту, – непринужденно отозвалась Раор. – Ты слишком нетерпелив, Драганизу.

– Мы уже потратили столько времени…

– Не больше других.

– Для тебя и Сауво. А для меня прошло уже пять лет с тех пор, как я начал создавать этот образ.

– Потрать еще несколько дней, чтобы защитить свой вклад в дело.

Раор улыбнулась, и сердце Эверарда замерло.

– Воплощение зла становится служителем Посейдона!

«Вот оно что! Значит, это вымышленное имя. „Родственник“ Феоны…»

Эверард уцепился за этот факт, пытаясь взять себя в руки и избавиться от кружащих голову чар Феоны.

---

[3] *Папирус* – здесь: африканское растение типа осоки.

– А для Булени даже больше, и при этом он часто попадал в трудные и опасные переделки, – продолжал Драганизу.

– Для него это развлечение, – сострила Раор.

– Если Сауво не в состоянии приучить себя возвращаться ко времени…

Раор подняла руку, достойную кисти Боттичелли. Ее темноволосая головка, увенчанная косой, замерла.

– Кажется, это он.

Вошел второй экзальтационист в простой тунике и сандалиях. Его красота была более яркой, чем у Драганизу. Раор чуть наклонилась вперед, бросив на него быстрый и в то же время пристальный взгляд.

– Дверь за собой запер? – требовательно спросила она. – Я не слышала.

– Конечно, – отозвался Сауво. – Разве я когда-нибудь забывал об осторожности?

По лицу Драганизу скользнуло недовольство. Быть может, он грешил рассеянностью. Может, совершил оплошность лишь раз, но Раор наверняка позаботилась, чтобы это никогда больше не повторилось.

– Особенно когда повсюду рыщет Патруль, – добавил Сауво.

«Значит, – подумал Эверард, – их гараж для темпороллеров находится в запертой комнате на этом этаже… в глубине здания, откуда и появился Сауво…»

Драганизу приподнялся, вновь сел и взволнованно спросил:

– Их агенты здесь? Сейчас?

Сауво сел на другой стул. В древнем мире стулья со спинками были редкостью, в основном они предназначались для царствующих особ. Он налил себе вина и взял с блюда инжир.

– Нам не стоит бояться их, приятель. Как бы они ни подбирали к нам ключи, они проиграли. Патруль думает, что мы нанесем удар где-то там, в будущем. Сюда они послали человека только на разведку, за дополнительными сведениями.

И Сауво пересказал им историю, которую Эверард изложил в вихаре.

«Этот тип упрятал Чандракумара в тюрьму и допросил под действием кирадекса, – понял Эверард. – Все раскрыто. Однако бóльшая часть секретов, которые узнал Сауво, вовсе никакие не секреты. Спасибо, Шалтен!»

– Опять менять план! – воскликнул Драганизу.

– Наш старый план и без того скоро сойдет на нет, так же, как и его исполнители, – пробормотала Раор. – Но все же интересно было бы побольше узнать о них. Может, даже вступить в контакт… – Слова ее скрылись в молчании, словно змея, скользнувшая за добычей.

– Во-первых, – отрывисто произнес Драганизу, – мы знаем, что этот… Холбрук… вырвался на свободу и сейчас неизвестно, где его носит.

Раор отреагировала без промедления:

– Успокойся, все в порядке. Его снаряжение и средства связи у нас.

– Если он не даст о себе знать…

– Сомневаюсь, чтобы Патруль рассчитывал немедленно получить от него известия. Оставьте его пока в покое вместе с другими конспираторами. У нас есть куда более срочные дела.

Драганизу повернулся к Сауво и спросил:

– Как тебе удалось допросить его без свидетелей?

– Разве ты не слышал? – не скрывая удивления, ответил Сауво.

– Я пришел несколько минут назад. Был занят делами в качестве Никомаха. В записке Раор черкнула единственное слово: «Приходи».

«Записку доставил раб, – решил Эверард. – Радио использовать боятся. Она, вероятно, чувствует себя уверенно, но дело Холбрука обострило ее осторожность до предела».

– Я уговорила Зоила держать арестованных по этому делу в одиночках, – произнесла Раор, пожимая шелковыми плечами. – Сказала, что мои связи дают мне основания видеть в них шпионов.

«И когда стража и обитатели каталажки уснули, Сауво использовал темпороллер и проник в камеру. Раор решила пойти на такой риск. Видимо, они считали, что Чандракумар и Холбрук – единственные специалисты Патруля в Бактре; один теперь заперт на замок, а второй остался без снаряжения и где-то прячется. Сауво оглушил Чандракумара мощным лучом, надвинул ему на голову кирадекс и, когда пленник пришел в себя, подробно допросил его. Надеюсь, он оставил Чандракумара в живых. Несомненно. Зачем вызывать вопросы у тюремщиков? Да и что может сказать им наутро Чандракумар о случившемся? Они просто примут его за лунатика».

Драганизу не сводил с Раор глаз.

– А ты, я смотрю, вскружила ему голову.

– Ему и еще многим, – заметил Сауво, пока Раор с притворной застенчивостью пила вино. Он засмеялся. – Видели, какие ревнивые взгляды бросают на мажордома Ксениада? Хотя все знают, что я лишь слуга.

«Значит, Сауво – это Ксениад, ведающий домашней прислугой. Запомним… Сочувствую Зоилу и его компании. Я бы тоже не отказался затащить миледи в постель. – Эверард поморщился. – Хотя и не решился бы заснуть в ее объятиях. Как знать, может, в этих черных локонах припрятана ампула с цианистым калием».

– Ладно, греки пусть держат Чандракумара в камере, – сказал Драганизу. – А что за снаряжение было у Холбрука?

– Он оставил его в доме человека, с которым сюда приехал, – объяснила Раор. – Человек этот – обычный купец из местных. Он был в ужасе, когда стража заявила, что его гость – шпион, и конфисковала вещи чужеземца. В дальнейшем Гиппоника можно не трогать; в сущности, это было бы даже неразумно.

«И на том спасибо», – подумал Эверард.

– А багаж его здесь. – Раор улыбнулась, став похожей на кошку. – С этим тоже пришлось повозиться, но Зоил посодействовал. У него свои каналы. Я обследовала все предметы нашими приборами. Большинство относится к этой эпохе, но некоторые содержат аппаратуру Патруля.

«Наверное, спрятали все вместе с темпороллерами», – мелькнуло в сознании Эверарда.

Раор поставила бокал на стол и выпрямилась. В плавной мелодии ее голоса зазвенел металл.

– Все это убеждает меня в том, что сейчас мы обязаны быть осмотрительными, как никогда. Чтобы получить доступ к заключенному, нам пришлось прибегнуть к вынужденной мере – перемещению в пространстве-времени.

– Не так уж это рискованно, – произнес Сауво, видимо желая напомнить Раор и сообщить Драганизу, что план предложил именно он и что события оправдали его ожидания. – Холбрук всего лишь курьер, причем низкого ранга. Физически крепок, но теперь зубы ему повыдергивали. И совершенно очевидно, что умом он не блещет.

«Спасибо, дружище», – улыбнулся Эверард.

– И все же, – продолжила Раор, – мы должны выследить его и уничтожить, пока он как-то не связался со своими и Патруль не начал его поиски.

– Они не знают, где искать. Им понадобится не один день, чтобы найти хотя бы его след.

– Мы не намерены помогать им, – отрезала Раор. – Если мы способны засечь электронную аппаратуру в действии, ядерные процессы, гравитационные двигатели и перемещения во времени, то им это сделать еще легче. Они ни в коем случае не должны узнать о присутствии здесь других путешественников во времени, кроме них самих. С сегодняшнего вечера и до завершения операции мы перестаем пользоваться высокотехнологичными приборами. Вам ясно?

– За исключением чрезвычайных ситуаций, – настаивал Сауво.

«Похоже, он пытается самоутвердиться; оба Варагана слишком давят своим авторитетом», – подумал Эверард.

– Подобная чрезвычайная ситуация будет, скорее всего, настолько серьезна, что нам придется все бросить и уносить ноги. – Жесткость Раор пошла на убыль. – А было бы жаль. Пока все шло очень гладко.

У Драганизу, однако, было собственное мнение, которое он и высказал с раздражением:

– Гладко и не без удовольствия для тебя.

В ответ он получил взгляд, способный заморозить гелий.

– Если, по-твоему, я получала удовольствие от внимания Зоила и ему подобных, можешь к ним присоединиться.

«Нервы у них на пределе… Слишком долго тянулась тайная подготовка… Они тоже смертны», – подумал Эверард, и эта мысль подбодрила его.

Раор, вновь став непринужденной, подняла бокал и нежно пропела вполголоса:

– Хотя я согласна: управлять ими, как марионетками, забавно.

Драганизу, видимо, счел за благо вернуться к насущным проблемам.

– Ты даже радио запрещаешь? Если мы не сможем связаться с Булени, как будем координировать действия?

Раор подняла брови:

– Что значит – как? Мы все это и затеяли, чтобы иметь запасной канал связи как раз в такой ситуации. Ты будешь доставлять наши послания. Осада или не осада, но бактрийцы разрешат служителю Посейдона выходить из города, а сирийцы пропустят его с миром. Булени позаботится о том, чтобы они уважали территорию храма, в чьи бы руки он ни попал.

Сауво потер подбородок.

– Д-да, – задумчиво произнес он.

Последний год вся троица, должно быть, только и делала, что спорила и обсуждала планы, и порой они, видимо, даже испытывали удовольствие, повторяя друг другу то, что им и без того хорошо известно. Как говорится, ничто человеческое нам не чуждо, благо язык позволял делать это кратко.

– Помощник царя Антиоха вполне способен это устроить.

Слова заставили Эверарда содрогнуться.

«Боже мой! Булени забрался-таки чуть не на самый верх. Наш человек среди сирийцев так далеко не пошел, – промелькнуло у него в сознании. – По словам Драганизу, Булени пробыл здесь более пяти лет. Патруль, однако, счел, что это слишком расточительно».

– Будет только естественно, – добавила Раор, – если Полидор собственной персоной явится в храм со своими подношениями.

«Булени играет роль Полидора, этакого ревнителя бога Посейдона», – вычислил Эверард.

– Ха-ха-ха! – совсем по-человечески залился Драганизу, известный бактрийцам под именем Никомаха, местного священника.

Слова Раор прозвучали решительно. Наконец-то они добрались до сути.

– Он должен быть наготове – на случай твоего прибытия. Когда сторожевая застава доложит, что ты вышел из города, он отправится к тебе и завяжет разговор. Думаю, произойдет это завтра, во второй половине дня, хотя сначала нам следует понаблюдать за развитием событий.

Драганизу нетерпеливо повернулся:

– К чему такая спешка? Зоил не сможет передать тебе план сражения Эфидема, пока тот его не разработает. А в настоящий момент, я уверен, никакого плана еще нет.

– Мы должны установить связь сейчас, чтобы после не вызывать ни у кого подозрений, – сказала Раор. – Кроме того, ты проинформируешь Булени о положении здесь, а он тебя – о

последних событиях у сирийцев. – Спустя секунду она вкрадчиво добавила: – Все нужно сделать так, чтобы царь Антиох знал о вашей встрече.

Сауво кивнул:

– Да, конечно. Надо напомнить ему, что у Полидора действительно есть связи в городе.

Эверард, поняв смысл сказанного, съежился от внутреннего холода.

«Полидор сказал Антиоху, что у него в Бактре есть родственники, питающие неприязнь к Эфидему, – может быть, что эти люди готовы и жаждут предать своего правителя. Антиох, понятно, настроен поверить его словам. В конце концов, Полидор у него в руках, и Никомах действительно появится из-за крепостных стен. При благоприятном стечении обстоятельств Никомах передаст Полидору план вылазки Эфидема в тыл врага. Антиох, зная наперед о планах Эфидема, вполне может добиться быстрой победы. Воодушевленный успехом и признательный Полидору, он готов принять его семью при дворе. И не исключено, что у очаровательной Феоны есть свои планы насчет нового повелителя. Если у них все получится, экзальтационисты утвердятся в мире, где не будет ни данеллиан, ни какой другой силы, способной противостоять им, кроме жалких остатков Патруля Времени… И они, победители, смогут беспрепятственно лепить этот мир как им заблагорассудится. И слухи о колдовских способностях Феоны будут им только на руку…»

По спине Эверарда пробежали мурашки.

– Тебе придется встретиться с ним по крайней мере еще раз, чтобы сообщить о намерениях Эфидема, как только Зоил расскажет мне о них, – говорила тем временем Феона. – Нам бы не хотелось, чтобы у Антиоха зародились сомнения по поводу разведывательных данных, которые мы ему поставляем. Разумеется, в самый критический момент в нашем распоряжении будут и темпороллеры, и электронная связь. Если понадобится, то и энергетическое оружие. Надеюсь, однако, что Антиох расправится с соперником обычным способом. – Серебристый смех. – Нам не нужна репутация слишком опасных колдунов.

– Это привлекло бы Патруль Времени, – согласился Драганизу.

– Нет, Патруль превратится в ничто с того момента, как умрет Эфидем, – ответил Сауво.

– Не забывайте, что следы Патруля в нижних слоях времени не исчезнут, – подчеркнул Драганизу, но лишь для того, чтобы выделить следующую фразу: – Поражение не уничтожит их окончательно. Чем меньше следов мы оставим, тем меньше будет риска. И тогда со временем мы станем настолько могущественны, что никакие уловки Патруля нам не будут страшны. Но на это уйдут столетия работы.

– И какие столетия! – вырвалось у Раор. – Мы четверо, четверо уцелевших, станем творцами богов! – Спустя мгновение она продолжила гортанным голосом: – Какой вызов истории! Даже если мы проиграем и погибнем, жизнь, прожитая по принципам экзальтационизма, того стоит. – Она вскочила на ноги. – Но если это случится, мир рухнет в огненную пучину вместе с нами!

Эверард до боли в челюстях стиснул зубы.

Мужчины в комнате встали.

Внезапно настроение Раор переменилось. Ресницы опустились, уголки губ вздернулись вверх. Она поманила мужчин рукой.

– Пока не наступили трудные и опасные дни, – вздохнула Раор, – ночь принадлежит нам. Может быть, воспользуемся?

Кровь ударила Эверарду в голову и застучала во всех жилках. Он вцепился пальцами в землю, стараясь удержать себя на месте, словно корабль на якоре, и подавляя желание вскочить, чтобы не разнести дверь в щепки и не наброситься на Раор. Когда к нему вернулась острота зрения и смолкли раскаты грома в ушах, она уже удалялась из комнаты, обнимая своих приятелей за талию.

Мужчины несли по свече. Остальные уже были погашены. Раор вышла из комнаты, и пустое помещение заполнила ночь.

«Стоп-стоп. Подожди. Пусть займутся делом… Повезло же этим двум паразитам… Нет, нечего об этом думать».

Эверард переключил внимание на звезды над головой.

Что делать? Совершенно неожиданно он узнал множество полезных вещей. Что-то он, конечно, уже знал раньше, что-то просто потешило любопытство, но теперь ему ясен весь план противника, а этим сведениям цены нет. Если бы он мог связаться с Патрулем! Но это невозможно, пока не отыщется передатчик. Что делать дальше – рискнуть или отступить?

Эверард сидел неподвижно, и постепенно у него созрело решение. Помочь ему некому, и, что бы он ни предпринял, риск остается. Полное безрассудство равносильно нарушению служебного долга, но, может быть, он сумеет это провернуть…

По его подсчетам, прошел почти час. Раор и ее молодцы, должно быть, увлеклись своими играми и забыли о бдительности… В доме наверняка есть сигнализация, но, очевидно, она не реагирует на входящих. Иначе она то и дело срабатывала бы, когда приходят и уходят слуги и гости, а объяснять им, что это такое, себе дороже.

Эверард поднялся на ноги, размял затекшие мускулы и приблизился к открытому окну. Достал из кошелька фонарик. Длиной дюйма четыре, он был вырезан из слоновой кости в виде статуэтки Аполлона – подобные вещицы носили при себе многие. Эверард сжал лодыжки фигурки, и из ее головы ударил узкий луч света. Услышанное этой ночью подтвердило его подозрения относительно того, что детекторы засекают электрические токи и всякую примитивную технику вокруг дома. Экзальтационисты наверняка носят личные приемники, которые дадут им знать о сработавшей сигнализации, но миниатюрное устройство в его руках представляло собой обычный фотонный аккумулятор: никакого электричества, чистый свет.

Высвечивая путь краткими вспышками фонарика, Эверард залез через окно в комнату, затем вышел в коридор. Крадясь, как рысь, он миновал два входных проема, заглянув в каждый. Обе комнаты говорили о состоятельности хозяйки. Еще две, дальше по коридору, были закрыты. Двери первой из них покрывали деревянные резные панели, изображавшие нимф и сатиров, которые, казалось, оживали под лучом фонарика.

Эверард погасил свет. До него донеслись приглушенные звуки – словно ожили в буйной вакханалии деревянные нимфы и сатиры. Там явно находилась комната, где Феона ублажала своих приятелей. Эверард застыл на месте, охваченный желанием… Прошло несколько мгновений, прежде чем он смог двинуться дальше.

«Что, черт побери, в ней такого? Внешность, манеры или какой-то феромон? – Он выдавил из себя улыбку. – Такой трюк как раз в духе экзальтационистов».

Другая дверь была незатейлива и массивна. Она вела в комнату, которая, совершенно очевидно, занимала всю заднюю часть дома. Да, наверняка это помещение приспособлено под хранилище темпороллеров, приборов и другого снаряжения. Он не собирался ковыряться в примитивном замке – тот висел лишь для отвода глаз. Настоящий запор сразу обнаружит постороннего и подаст сигнал тревоги.

Эверард на цыпочках начал подниматься по ступенькам, но остановился на лестничной площадке. Несколько вспышек фонарика подтвердили его предположения о чисто утилитарном назначении этой части дома. И ни у кого не вызывало удивления, что Феона запирала одну комнату на первом этаже: надо же где-то хранить богатые подношения, которые получали куртизанки ее ранга. Более изощренная скрытность вызвала бы кривотолки.

Эверард вернулся на первый этаж.

«Пожалуй, пора сматываться, пока не поймали. Жаль только, что не удалось ничего прихватить. Глупо было надеяться на то, что они оставят где-нибудь передатчик или оружие, но, по крайней мере, я знаю теперь планировку дома, а это тоже немало».

Конкретного плана, где эта информация пригодилась бы, пока не было, но кто знает…

Со двора он вскарабкался на крышу. Ступив на карниз, Эверард достал нож и аккуратно надрезал петлю на веревке, оставив целыми лишь несколько волокон. Затем перебросил конец веревки на улицу и заскользил по ней вниз.

Даже если бы веревка оборвалась на полпути к земле, он не наделал бы много шума. Но она оказалась прочной, и пришлось несколько раз с силой дернуть веревку, прежде чем она разорвалась. Лучше не оставлять следов визита. Эверард углубился в аллею, где обулся и накинул плащ, а затем смотал веревку и вновь сделал из нее лассо.

«Так. Теперь пора уходить из города, а это, возможно, сделать не так-то просто», – подумал Эверард.

Ворота заперты, и около них полно солдат. Стены и башни усыпаны стражей.

Днем он присмотрел укромное местечко. На берегу реки, с той стороны, откуда нельзя ожидать внезапного нападения, а потому охраняемой менее тщательно. Однако и те немногочисленные часовые тоже нервничали, никто не спал. Воины наверняка подозревают неладное во всем, что движется, и хорошо вооружены. Патрульный мог рассчитывать лишь на свой рост, силу и военный опыт, о котором здесь и не мечтали. Плюс отчаянное стремление выбраться.

«Плюс непробиваемое упрямство. Авантюра в доме Раор только потому и удалась, что ей даже не пришло в голову опасаться чего-то столь примитивного».

Поблизости от нужного места он нашел проход, ведущий к стене, в темноте которого мог укрыться в ожидании подходящего момента. Ждать пришлось томительно долго. Взошла луна. Дважды Эверард едва не начал действовать, когда мимо проходили люди, но, оценив обстановку, решил подождать еще. Он даже особенно не злился, выжидая своего часа, словно тигр, подстерегающий добычу.

Наконец этот час настал: по мостовой шагал одинокий солдат – видимо, спешил на дежурство. Вокруг не было ни души. Он наверняка улизнул из казармы, чтобы провести время с девушкой или с друзьями, пока водяные часы, звезды или врожденное чувство времени, которым нередко отличаются люди, не имеющие часов, не подсказали ему, что пора возвращаться. По плитам тротуара звонко цокали его сандалии, подбитые гвоздями с широкими шляпками. Лунный свет играл на шлеме и кольчуге. Эверард двинулся следом.

Парень ничего не услышал и не увидел. Из-за его спины появились громадные руки, обхватили горло, и пальцы сдавили сонную артерию. Долю секунды солдат сопротивлялся, не имея возможности даже крикнуть. Каблуки забили частую дробь. Он тяжело рухнул наземь, и Эверард оттащил тело в аллею.

Патрульный затаился, готовый к бегству. Никто не бросился за ним вдогонку, никто не закричал. Эверард выпустил солдата из рук. Юноша шевельнулся, застонал, глотнул воздуха и вновь впал в беспамятство.

Разумнее было бы всадить в него нож, но лунный свет упал на лицо солдата, совсем юное, и у Эверарда не хватило духа. Он лишь достал нож и взмахнул лезвием у солдата перед глазами.

– Будешь слушаться – останешься в живых, – услышал юноша.

К счастью для себя и для совести Эверарда, солдат не стал сопротивляться.

Утром его найдут связанным обрывками веревки, с кляпом из куска его же килта во рту. Парня, должно быть, высекут или погоняют на плацу – это не так важно. Что касается кражи оружия, то его начальники не захотят предать случившееся огласке.

Шлем едва налез на голову похитителя, и то только после того, как Эверард вынул из него подкладку. Кольчуга была чересчур мала, но он надеялся, что ему никто не встретится, а издалека это незаметно. Если же его остановят, что ж, теперь у него есть меч.

Эверарду удалось беспрепятственно подняться по лестнице на верхнюю часть стены и добраться по ней до намеченного места. Стражники видели его, но в тусклом свете нельзя было разглядеть деталей. Шагал он споро, как человек, посланный с особым поручением, которому

не следует чинить препятствий. Место, что он выбрал, располагалось между двумя сторожевыми постами, удаленными друг от друга, поэтому Эверард был как тень, которую оба дозорных, может быть, даже и не заметили. Дозор, совершавший обход постов, оказался еще дальше.

Лассо висело на плече патрульного. Одним быстрым движением он закрепил его на зубце крепостной стены и бросил свободный конец веревки вниз. До полоски земли между стеной и пристанью оставалось еще изрядное расстояние. Эверард торопливо перелез через стену и заскользил к земле. Потом веревку найдут и будут гадать, побывал ли здесь лазутчик или сбежал преступник, но вряд ли эта новость достигнет ушей Феоны.

Эверард по ходу огляделся. Дома и окрестности окрасились в темно-серый цвет, сгустившийся до черноты везде, за исключением жилищ, где еще тлели красные огоньки светильников. Кое-где горели более яркие огни – костры неприятеля. Будь он на противоположной стороне города, Эверард увидел бы их великое множество, они располагались цепью, приковавшей Бактру к реке.

Он споткнулся и почти потерял равновесие на крутом склоне. Где-то залаяла собака. Не мешкая, Эверард обошел крепостной вал и двинулся прочь от города.

«Прежде всего надо отыскать стог сена или что-нибудь такое, где можно поспать хоть несколько часов. Боже, как я устал! Завтра утром надо будет найти воды и, если повезет, чего-нибудь поесть… Потом уже все остальное. Мы знаем, какую песню хотим спеть, но поем по памяти, и одна фальшивая нота может изгнать нас, освистанных, со сцены…» – думал Эверард.

Калифорния конца двадцатого века казалась ему еще более далекой, чем звезды.

«Какого черта я вспоминаю о Калифорнии?»

1988 год от Рождества Христова

Когда телефон в его нью-йоркской квартире зазвонил, он недовольно заворчал, подумав, не стоит ли включить автоответчик. Музыка качала его на своих волнах. Дело, однако, могло быть важным. Он не раздавал без разбора номер телефона, не внесенный в справочник. Поднявшись с кресла, он поднес трубку к уху и буркнул:

– Говорит Мэнс Эверард.

– Здравствуйте, – послышалось приглушенное контральто, – это Ванда Тамберли.

Эверард обрадовался, что поднял трубку.

– Надеюсь, я не… помешала вам?

– Нет-нет, – сказал он, – тихий домашний вечер наедине с самим собой. Чем могу служить?

Она явно волновалась.

– Мэнс, мне ужасно неловко, но… наша встреча… не могли бы мы ее перенести?

– Почему же нет, конечно. Можно поинтересоваться причиной?

– Видите ли, все дело в моих родителях. Они хотят поехать со мной и сестрой на экскурсию на выходные дни… Прощальная семейная вечеринка, перед тем как я уеду на мою новую работу… Мне и без того приходится им лгать… – проговорила она, – и не хотелось бы их обижать. Они ничего не скажут, если я откажусь, но подумают, что мне нет дела до семьи или что-нибудь в таком духе.

– Конечно. Никаких проблем, – засмеялся Эверард. – На минуту я испугался, что вы собираетесь вовсе отказаться от встречи со мной.

– Что? Отвергнуть ваше предложение, после того как вы столько для меня сделали? – Она попыталась пошутить. – Зеленый новичок накануне вступления в Академию Патруля Времени отменяет встречу с агентом-оперативником, который хочет ей устроить веселые проводы? Это, возможно, подняло бы меня в глазах других новых рекрутов, но я, пожалуй, переживу без их восхищения.

Беспечность в ее голосе, однако, пропала.

– Сэр, вы… Мэнс, вы были столь добры. Могу ли я попросить вас еще об одном одолжении? Я не хочу показаться настырной… или занудливой, но не могли бы мы поговорить, когда вы окажетесь здесь, просто побеседовать часа два? Вместо обеда, если у вас будет мало времени или вам станет скучно… Я понимаю, что докучаю просьбами, но вы слишком деликатны и не подадите вида. Мне очень нужен… совет… И я обещаю, что буду держать себя в руках и не стану рыдать у вас на плече.

– Право, не стесняйтесь. Жаль, что у вас возникли проблемы. Но я захвачу свой самый большой носовой платок. И уверяю вас, мне с вами никогда не скучно. Однако, со своей стороны, я настаиваю на обеде после разговора.

– Боже, Мэнс! Вы… Хорошо, только не нужно никаких роскошных ресторанов, где мне придется пить «Дом Периньон» и закусывать черной икрой.

Он усмехнулся:

– Скажите, куда пойдем, выберите сами. Вы же из Сан-Франциско. Удивите меня.

– Но я…

– Мне все равно, куда идти, – сказал он. – Думаю, на этот раз вы предпочли бы какое-нибудь тихое местечко, располагающее к отдыху. Похоже, я догадываюсь, что вас беспокоит. В любом случае я вполне могу обойтись пивом и устрицами. Так что выбирайте сами.

– Мэнс, по правде говоря…

– Не надо, прошу вас. Телефон – чертовски неподходящая штука для того, о чем вы, по моим предположениям, хотите поговорить. Мысли ваши естественны и чисты, что делает вам честь. Я встречусь с вами, когда вам будет удобно. Самоуверенность путешественника во времени, знаете ли. Так что выбирайте время. А пока что не вешайте нос.

– Спасибо… Благодарю вас.

Эверард оценил ее чувство собственного достоинства и прямоту, с которой Ванда договаривалась о встрече.

«Славная девочка, очень славная… Станет старше – с ума будет сводить…» – подумал он.

Когда они пожелали друг другу спокойной ночи, Эверард обнаружил, что ее звонок не нарушил созданного музыкой настроения, хотя в этой части она стала еще сложнее. Более того, музыка увлекала его, завораживала, как никогда раньше. И сны в ту ночь ему снились счастливые.

На следующий день, сгорая от нетерпения, он взял роллер и махнул в Сан-Франциско, в оговоренный день, но с запасом в несколько часов до свидания.

– Думаю, вернусь сегодня вечером домой, но поздно, быть может, за полночь, – сообщил Эверард сотруднику Патруля. – Не беспокойтесь, если моего темпороллера не окажется на месте, когда вы придете сюда завтра утром.

Получив ключ блокировки сигнализации, который ему следовало оставить потом в столе, он сел на городской автобус, чтобы добраться до ближайшего пункта проката автомобилей, работающего круглосуточно. Затем Эверард отправился в парк Золотые Ворота – побродить и расслабиться.

Ранние январские сумерки уже опустились на город, когда он позвонил в дом родителей Ванды. Она встретила его на пороге и шагнула навстречу, бросив родителям «пока». На ее светлых волосах играл отблеск уличных огней. На ней был свитер, жакет, твидовая юбка, туфли на низком каблуке, и Эверард сразу же догадался, в каком ресторане Ванде захочется посидеть сегодня вечером. Она улыбнулась, твердо пожав ему руку, но то, что он прочитал в ее глазах, заставило его сразу же проводить Ванду к машине.

– Рад вас видеть, – произнес он.

– О, вы даже не представляете, как я рада вам, – едва донеслось до его слуха.

Они забрались в машину, и Эверард заметил:

– Я чувствую себя неловко, не поздоровавшись с вашей семьей.

Она закусила губу:

– Это я виновата. Ничего. Они рады, что я погощу у них до отъезда, но совсем не собираются держать меня взаперти, тем более если у меня важное свидание.

Эверард включил зажигание.

– Я бы не задержался надолго. Так, несколько вежливых слов, и все.

– Понимаю, но… Я не уверена, что смогла бы выдержать. Они не выспрашивают, но им очень интересно, что это за… таинственная личность, с которой я встречаюсь, хотя и видели вас дважды. Мне пришлось бы делать вид…

– Ну-ну, у вас нет ни таланта, ни опыта, ни желания врать.

– Действительно. – Она легко коснулась его руки. – Но приходится. А ведь это мои родители.

– Цена, которую мы платим. Мне следовало бы организовать вам встречу с вашим дядей Стивеном. Он наверняка сумел бы убедить вас не переживать из-за этого так сильно.

– Я думала об этом, но вы… Ладно…

Эверард печально улыбнулся:

– Хотите сказать, что я сам гожусь вам в отцы?

– Не знаю. На самом деле я так не думаю. Вы занимаете высокий пост в Патруле, вы спасли меня, оказали мне покровительство и так далее, но я… Все это трудно совместить с моими чувствами… Наверно, я какую-то чепуху говорю… Но мне кажется, я хотела бы думать о вас как о друге, но не осмеливаюсь.

– Давайте вместе подумаем, как тут быть, – предложил Эверард с невозмутимым видом, хотя в душе его царило смятение.

«Черт возьми, как она привлекательна!»

Ванда огляделась по сторонам:

– Куда мы едем?

– Думаю, мы сможем припарковаться на Твин-Пик и поговорить. Небо чистое, вид прекрасный, и никого поблизости, кто обратил бы на нас внимание.

Она на мгновение замялась:

– Ну хорошо.

«Похоже на обольщение, что было бы чудесно при других обстоятельствах. Но…»

– Когда мы поговорим, я с удовольствием отправлюсь в ресторанчик, выбранный вами. Потом, если вы не утомитесь, свезу вас в ирландскую пивную недалеко от Клемент-стрит, где публика иногда поет и два-три пожилых джентльмена непременно пригласят вас на танец.

Он уловил, что Ванда поняла его.

– Звучит заманчиво. Никогда не слышала о таком заведении. Похоже, вы все-таки знаете Сан-Франциско.

– Приходилось бывать.

Ведя машину, он старался поддерживать непринужденный разговор и чувствовал, как настроение Ванды улучшается.

С горы открывался волшебный вид. Город походил на галактику с миллионом разноцветных звезд, мосты парили над мерцающими водами и устремлялись ввысь к холмам, где светилось огоньками бесчисленное множество домов. Гудел ветер, напоенный морем. Но было слишком холодно, чтобы долго оставаться на воздухе. Пока они смотрели на панораму города, ее рука потянулась к его руке. Когда они укрылись от стужи в машине, Ванда прильнула к нему, Эверард обнял ее за плечи, и наконец они поцеловались.

Эверард правильно предположил, о чем она хотела поговорить. Демонов нужно изгнать. Ее чувство вины перед семьей было неподдельным, но за ним крылся еще и страх перед тем,

что ее ждет. Первые восторги по поводу того, что она – она! – смогла вступить в Патруль Времени, уже прошли. Никто не в состоянии сохранить надолго это радостное ощущение. Затем последовали собеседования, тесты, предварительное ознакомление… и размышления, бесконечные размышления.

«Все в мире так изменчиво. Реальный мир – словно изменчивый вихрь над морем всеобъемлющего хаоса. Не только твоя жизнь отныне в опасности, но и сам факт того, что ты когда-то пришел в эту жизнь, весь мир и его история, ведомая тебе…

Тебе не дано будет знать о собственных успехах, потому что это может помешать тебе достичь их. Ты будешь идти от причины до следствия, прямо следуя к намеченной цели, подобно остальным смертным. Парадокс – это главный враг.

У тебя появится возможность возвращаться в былое и навещать дорогих тебе ушедших людей, но ты не станешь этого делать, чтобы не поддаться искушению отнять их у смерти, и сердце твое будет разрываться от скорби.

День за днем, не в силах помочь, ты будешь жить этой жизнью, заполненной печалью и страхом.

Мы охраняем то, что есть. Нам не дано спросить, как должно быть. И лучше не спрашивать, что означает это „есть“…»

– Не знаю, Мэнс, я совершенно растерялась. Хватит ли у меня сил? Мудрости, собранности и, как бы лучше сказать… твердости? Может, лучше отказаться сразу, позволить им стереть все из моей памяти и вернуться к нормальной жизни? К жизни, которой хотели бы для меня родители…

– Ну-ну, все не так уж плохо, как вам кажется. Всем поначалу тревожно. Если бы у вас не хватило ума и чувствительности, чтобы задавать себе все эти вопросы, беспокоиться и… да и бояться, вас бы просто не пригласили на работу в Патруль.

…Вам предстоит заниматься наукой, исследовать доисторическую жизнь. Я невероятно завидую вам. Земля была планетой, достойной богов, планетой удивительной красоты, пока все не испортила цивилизация…

…Никакого вреда ни вашим родителям, ни кому-либо другому. Просто есть секрет, который вы таите от них. И не говорите мне, что вы всегда абсолютно откровенны с родными! Кроме того, у вас будет возможность незаметно помочь им, что недоступно обычным людям…

…Века жизни и ни одного дня болезни…

…Дружба. В наших рядах есть замечательные люди…

…Развлечения. Приключения. Полнокровная жизнь. Вообразите, что вы почувствуете, увидев только что воздвигнутый Пантеон или Хризополис, когда его построят на Марсе. Вы сможете переночевать на открытом воздухе в Йеллоустонском парке еще до того, как Колумб отправился в плавание, а затем появиться на пирсе в Уэльве и помахать ему рукой. Увидеть танцующего Нижинского, Гаррика в роли Лира, наблюдать, как творит Микеланджело. Все, что вас заинтересует, вы можете увидеть сами – в пределах разумного, конечно. Не говоря уже о вечеринках, которые мы устраиваем среди своих. Только представьте себе, какая пестрая собирается компания!..

…Вы отлично знаете, что не отступите. Это не в вашем характере. Так что дерзайте…

И так далее до тех пор, пока она, сжав его в крепких объятиях, не вымолвила потрясенно, борясь со слезами и смехом:

– Да. Вы правы. Спасибо, большое спасибо, Мэнс. Вы образумили меня… и всего… за каких-то неполных два часа.

– Я не сделал ничего особенного, только подтолкнул вас к решению, которое вы для себя уже приняли. – Эверард размял ноги, затекшие от долгого сидения. – Но я проголодался. Как насчет обеда?

– Вы сами знаете! – воскликнула она с таким нетерпением, что ему сразу полегчало. – Вы упомянули по телефону суп из моллюсков.

– Ну, не обязательно суп, – ответил он, тронутый тем, что она запомнила. – Все, что вам угодно. Куда едем?

– Раз мы с вами договорились об уютном незатейливом ресторанчике с вкусной кухней, то нам подойдет «Грот Нептуна» на Ирвинг-стрит.

– Вперед!

Они спускались по дороге, оставив позади звездную россыпь городских огней и хлесткий ветер.

Ванда погрустнела.

– Мэнс!

– Да?

– Когда я звонила вам в Нью-Йорк, в трубке слышалась музыка. Вы устроили себе концерт? – Она улыбнулась. – Я сразу представила вас: туфли сняты, трубка в одной руке и пивная кружка в другой. Так было? Звучало что-то в стиле барокко. Я думала, что знаю музыку этой эпохи, но вещь показалась мне незнакомой… и удивительно красивой. Я бы тоже хотела такую кассету.

Он снова был патрульным.

– Это не совсем кассета. Когда я один, я использую аппаратуру из будущего. Но разумеется, я с радостью перепишу музыку для вас. Это Бах. «Страсти по святому Марку».

– Что? Но это невозможно?

Эверард кивнул.

– Произведение не дошло до наших дней, за исключением нескольких фрагментов, и никогда не было напечатано. Но в Страстную пятницу тысяча семьсот тридцать первого года некий путешественник во времени принес в собор в Лейпциге замаскированное записывающее устройство.

Она поежилась:

– Прямо мурашки по коже…

– Угу. Еще один плюс путешествий во времени и работы в Патруле.

Она повернула голову и долго не сводила с него внимательного, задумчивого взгляда.

– А вы отнюдь не тот простой парень с фермы из какой-нибудь глухомани, каким притворяетесь, – пробормотала она. – Совсем нет.

Он пожал плечами:

– Ну почему парень с фермы не может наслаждаться Бахом за мясом с картошкой?

209 год до Рождества Христова

Милях в четырех на северо-восток от Бактры, в тополиной рощице почти на середине невысокого холма, был родник. Он долгие годы почитался святилищем божества подземных вод. Люди приносили сюда дары в надежде, что это убережет их от землетрясения, засухи и падежа домашнего скота. Когда Феона пожертвовала деньги на перестройку храма и, посвятив его Посейдону, пригласила священника, чтобы тот время от времени приходил из города отправлять службу, никто не возражал. Люди просто отождествили новое божество со своим, пользуясь, кто хотел, привычным для них именем, и полагали, что от этого, может быть, будет какая польза для их лошадей.

Подходя к храму, Эверард сначала увидел деревья. Листва серебрилась, подрагивая от утреннего ветерка. Деревья окружали низкую земляную стенку с проемом, но без ворот. Стена очерчивала границу теменоса, священной земли. Бессчетные поколения плотно утрамбовали ногами тропинку к святыне.

Кругом простирались вытоптанные поля с редкими домами. Одни стояли нетронутые, но брошенные хозяевами, от других остались лишь уголья да остовы глиняных печей. До систематического разграбления дело еще не дошло. И соваться в селения у самого города захватчики тоже пока не решались. Это Бактре еще предстояло.

Лагерь неприятеля располагался двумя милями южнее. Стройные ряды шатров тянулись между рвом и рекой. Яркий царский шатер надменно возвышался над пристанищами из кожи, которые давали кров рядовым солдатам. Трепетали флаги, поблескивали штандарты. Сияли кирасы и оружие часовых. Вился дымок от костров. До Эверарда доносился нестройный гул – звуки трубы, крики, ржание. Вдали вздымали пыль несколько отрядов конных разведчиков.

Никто не остановил его, но он сам тянул время, наблюдая за обстановкой и ожидая, когда вокруг не останется ни души. Его могли убить, просто потому что шла осада. Пока еще сирийцы не брали пленных для продажи на невольничьем рынке. Но с другой стороны, они не хотели навлекать на себя гнев Посейдона, особенно после того, как Полидор, приближенный царя, приказал не оскорблять святилище. Добравшись до рощи, Эверард облегченно вздохнул. Дневной зной начинал его утомлять, и сень деревьев сама по себе была благословением.

Однако тяжелое чувство в душе не уходило.

Храм занимал значительную часть немощеного двора, хотя и был ненамного больше святилища, где в недавнем прошлом возлагали приношения. Три ступени вели к портику с четырьмя коринфскими колоннами, за которым располагалось здание без окон. Столбы каменные, вероятно облицованные, крыша – под красной черепицей. Все остальное было из побеленного необожженного кирпича. Никаких изысков в священном месте. Для Раор же истинное предназначение храма заключалось в том, что это было идеальное место для встреч Драганизу и Булени.

В углу теменоса сидели на корточках две женщины. Молодая держала у груди младенца, пожилая сжимала в руке половину лепешки. Эта лепешка да глиняный кувшин воды, должно быть, и составляли весь их дневной рацион. Одежда была драной и грязной. При появлении Эверарда они вжались в стену, и ужас вытеснил с их лиц усталость.

Из храма вышел мужчина. На нем была простая, но чистая белая туника. Согбенный, почти беззубый, он все время щурился и часто моргал; лет от сорока до шестидесяти, точнее сказать было трудно. Во времена донаучной медицины человеку низкого происхождения требовалось немалое везение, чтобы в этом возрасте сохранить здоровье, – если он вообще доживал до таких лет.

«А так называемые интеллектуалы двадцатого века еще смеют утверждать, что технические достижения медицины превращают человека в машину», – с горечью отметил про себя Эверард.

Старик, однако, сохранил разум.

– Приветствую тебя, незнакомец, если ты пришел с миром, – заговорил он по-гречески. – Знай, что этот придел священен, и, хотя цари Антиох и Эфидем воюют друг с другом, оба провозгласили неприкосновенность храма.

Эверард поднял ладонь, приветствуя старца.

– Я – паломник, достопочтенный отец, – заверил он.

– Что? Нет-нет. Я не священник, я просто сторож при храме. Долон, раб священника Никомаха, – отозвался человек.

Очевидно, он жил где-то поблизости в какой-нибудь лачуге и присматривал за храмом в течение дня.

– Правда паломник? Как же ты узнал о нашей маленькой обители? Ты уверен, что не сбился с пути? – Долон подошел поближе и остановился, недоверчиво оглядывая Эверарда. – Ты действительно странник? Мы не вправе пускать в храм никого, кто задумал военную хитрость или еще что.

– Я не солдат.

Плащ прикрывал меч Эверарда, хотя сейчас вряд ли бы кто обвинил путника в ношении оружия.

– Я проделал долгий и трудный путь, чтобы отыскать храм Посейдона, который находится за пределами Города Лошади.

Долон покачал головой:

– Еда у тебя есть? Я ничего не смогу тебе предложить – подвоз прекращен. Даже не знаю, как я здесь продержусь. – Он посмотрел в сторону женщин. – Я опасался нашествия беженцев, но, похоже, большинство сельских жителей укрылись в городе или совсем ушли из этих мест.

В желудке у Эверарда забурчало, но он старался забыть о голоде. Тренированный человек может обходиться без еды несколько дней, прежде чем по-настоящему ослабеет.

– Я прошу только воды.

– Святой воды из божественного колодца, запомни. Что привело тебя сюда? – К старику вновь вернулась подозрительность. – Как ты узнал о храме, лишь несколько месяцев назад освященном в честь Посейдона?

У Эверарда на этот случай была приготовлена история.

– Я – Андрокл из Тракии, – начал он.

Этот полуварварский край, мало известный грекам, вполне мог взрастить человека его стати.

– Оракул в прошлом году сказал, что если я приду в Бактрию, то должен найти храм бога за крепостной стеной столицы. Это спасет меня от несчастья. Но я не могу поведать о своих бедах ничего, кроме того, что я не грешник и не преступник.

– Пророчество, стало быть; весть о будущем. – Долон вздохнул. Слова Эверарда не произвели на него особого впечатления, и он не торопился принять услышанное на веру. – Весь путь ты проделал в одиночку? Расстояние в сотни парасангов?

– Нет-нет. Я платил за то, чтобы идти с караванами, и был уже на подходе к заветной цели, когда донеслась весть о том, что к Бактре подступает вражеская армия. Хозяин каравана повернул назад. Я хоть и боялся, но путь продолжил, веря, что бог, к которому я стремлюсь, защитит меня. Вчера на меня напала шайка грабителей – похоже, крестьяне. Они отобрали моего коня и вьючного мула, но, с божьего соизволения, я уцелел и продолжил путь пешком. Так вот и оказался здесь.

– На твою долю выпало много испытаний, – сказал Долон уже с явным расположением к гостю. – Что ты теперь намерен делать?

– Ждать, когда бог ниспошлет дальнейшие указания. Думаю, он явится мне в сновидении.

– Ладно… хорошо… хотя не знаю. Необычное дело. Спроси священника. Он в городе, но ему должны позволить выйти за ворота, чтобы… проведать храм.

– Нет, умоляю! Я сказал, что дал обет молчания. Если священник станет задавать вопросы, а я буду молчать, не разгневается ли Сотрясатель Земли?

– Да, но ведь…

– Вот… – Эверард надеялся, что действует напористо, но дружески. – У меня еще остались деньги. Когда бог подаст мне знак, я сделаю солидное пожертвование. Золотой статир.

Местный эквивалент почти тысячи американских долларов восьмидесятых годов, хотя сравнивать покупательную способность денег в столь далеких друг от друга эпохах едва ли имело смысл.

– Мне кажется, эти деньги позволили бы тебе, то есть храму, купить у сирийцев все необходимое, обеспечив себя припасами на долгий срок.

Долон задумался.

– То была воля божья, – настаивал Эверард. – Уверен, ты не будешь противиться ей. Бог помогает мне. Я помогаю тебе. Все, о чем я прошу, – это лишь разрешить мне с миром дождаться, когда произойдет чудо. Пусть я считаюсь беженцем. И вот…

Эверард достал кошелек, открыл его и вынул несколько драхм.

– Денег у меня достаточно. Так что возьми немного для себя, ты их заслужил. И мне доброе дело зачтется.

Долон, немного поразмыслив, принял решение и протянул руку:

– Что ж, паломник. Неведомы нам пути богов.

Эверард заплатил сторожу.

– Разреши мне пройти в храм, помолиться и испить воды от щедрот божьих, стать воистину его гостем. Потом я тихо устроюсь где-нибудь поблизости от храма и никому не причиню беспокойства.

Холодный полумрак коснулся потной пыльной кожи и пересохших губ.

В центре храма из камня, на котором покоился фундамент, бил родник. Вода частично наполняла углубление в полу, затем уходила в трубу, проложенную внутри каменной кладки под теменосом и выходящую за его стеной, откуда начинался ручей. За источником располагалась грубая каменная глыба – древний алтарь. Сам Посейдон был изображен на задней стене, и его едва можно было различить при тусклом свете. Пол покрывали груды подношений, в основном примитивные глиняные фигурки лошадей, зверей или изображения частей человеческого тела, которым бог должен был помочь. Священник Никомах наверняка забирал скоропортящиеся продукты и ценные вещи с собой, когда возвращался в город после службы.

«Твоя простая вера не принесла тебе особого достатка, приятель», – подумал с грустью Эверард.

Долон поклонился. Эверард тоже, со всей возможной старательностью, какую только можно было ожидать от тракайца. Преклонив колени, служка зачерпнул чашку воды и подал ее человеку, пожертвовавшему на храм и ему на пропитание. Эверарду, в его теперешнем состоянии, ледяная вода показалась лучше пива. Вознося благодарность богу, Эверард был почти искренен.

– Я оставлю тебя на некоторое время наедине с богом, – сказал Долон. – Ты можешь наполнить кувшин и, вознеся хвалу дарующему воду, унести с собой.

Поклонившись фреске, он вышел.

Мешкать нельзя, решил патрульный. Хотя здесь ему никто не мешал и можно было спокойно подумать.

План у него пока не оформился. Ему надо проникнуть в сирийский лагерь и найти костоправа Калетора из Оинопараса, известного Эверарду как Хайман Бернбаум, который, подобно Эверарду, давно прошел процедуру адаптации, позволяющую ему жить среди язычников, не вызывая никаких вопросов. Быть может, они придумают какой-нибудь предлог, чтобы уйти вместе, а может, Бернбаум изловчится и устроит все так, чтобы Эверард мог беспрепятственно покинуть лагерь. Задача заключалась в том, чтобы отойти с коммуникатором на значительное расстояние от города, и тогда аппаратура экзальтационистов не зафиксирует сигнала на фоне множества других разговоров, что ведут между собой обычные путешественники во времени в этой эпохе. Информацию Эверарда следовало передать Патрулю, чтобы Центр смог подготовить западню.

«Судя, однако, по тем мерам предосторожности, которые они предпринимают, вероятность схватить всех четверых разом очень мала. Черт бы их побрал!»

Главное сейчас – добраться до Бернбаума, а тут полно солдат, готовых проткнуть мечом любого незнакомца. Он мог бы остановить их, сказав, что прибыл с очень важным посланием, но тогда его потащат к офицерам, которые учинят строгий допрос. А если назвать Калетора, то врачевателя тоже начнут допрашивать. А поскольку сказать им нечего, обоих будут пытать.

Эверард пришел в храм в надежде встретить кого-нибудь положением повыше, чем раб, – помощника священника, послушника или кого-то в этом роде. Такой человек мог бы дать ему опознавательный знак святилища, провожатого, а может, и провести его через сирийские пикеты.

Эверард мог бы показать свой фонарик и заявить, что Посейдон лично даровал ему этот предмет ночью. Но прежде, конечно, следует дождаться, пока Никомах-Драганизу не встретится с Полидором-Булени и они не покинут храм.

Патрульный даже думал прийти сюда после того, но прятаться где-нибудь в окрестностях храма было сейчас, возможно, рискованнее, чем тихо сидеть во дворе. Тем более что здесь он мог узнать что-нибудь полезное.

План его оказался в лучшем случае незрелым, а сейчас выглядел просто нелепо.

«Ничего, может быть, появятся свежие мысли… – Эверард усмехнулся, но ухмылка получилась, скорее, злобной. – Надо придумать какой-нибудь примитивный ход, как вчера, что-нибудь совсем простое, до чего они не додумаются…»

Он вышел из храма на солнечный свет, ослепивший его на краткий миг.

– Я уже почувствовал, как близость бога укрепляет меня, – произнес он значительно. – Я верю, что поступаю по его воле, и ты, Долон, тоже. Будем следовать указанному пути.

– Да, конечно.

Сторож торопливо предупредил его о соблюдении чистоты на храмовой территории, указал отхожее место, которое находилось в роще на приличном расстоянии от святыни, после чего скрылся в своей лачуге.

Эверард направился в угол, где сидели женщины. Ужаса на их лицах больше не было, но осталась скорбь, усугубленная голодом и отчаянием. Он не мог приветствовать их традиционным «Радости вам!».

– Можно я с вами присяду? – спросил он.

– Мы не можем запретить вам это, – пробормотала пожилая женщина (наверно, лет за сорок).

Он опустился на землю рядом с молодой. Та казалась бы еще привлекательной, если бы сохранила силу духа.

– Я тоже ожидаю воли божьей, – сказал он.

– А мы просто ждем, – отозвалась та равнодушно.

– Меня зовут Андрокл, я паломник. Вы живете поблизости?

– Жили.

Сморщенная старуха зашевелилась. Какое-то мгновение в ее глазах светилась гневная сила.

– Наш дом стоял ниже по течению. Так далеко отсюда, что мы до последнего не знали о случившемся, – заговорила она. – Сын мой сказал, мы должны, мол, погрузить в повозку все, что только можно увезти на быках с фермы, не то придется в городе нищенствовать. Но на дороге нас схватили всадники. Они убили сына и мальчиков. А жену его изнасиловали, но, по крайней мере, нас не прикончили. Ворота в город оказались на запоре. Вот мы и подумали, что Сотрясатель Земли даст нам пристанище.

– Лучше бы они нас убили, – произнесла молодая неживым голосом. Младенец заплакал. Она бездумно обнажила грудь и дала ее ребенку, а свободную руку вытянула перед собой, чтобы складками рукава прикрыть дитя от солнца и мух.

– Сочувствую, – только и нашел что сказать Эверард.

«Война, похоже, единственное, что у любого правительства получается лучше всего».

– Я буду молиться за вас, – сказал он.

Женщины не ответили. Что ж, когда чувства атрофируются, это своего рода благо. Он накинул на голову капюшон и привалился к стене. Тополя давали скудную тень. Жар легко проникал сквозь одежду.

Прошли часы. Как часто бывало при долгом и томительном ожидании – особенно в будущих столетиях, – Эверард погрузился в воспоминания. Время от времени он отпивал понемногу тепловатую воду и дремал. Солнце, прокатившись по всему небу, пошло на закат.

«…Тучи, гонимые ветром, ослепительный свет между ними, падающий на волны, обрывки снасти, холодные соленые брызги из-под носа корабля, бороздящего море, которое переливается зеленым, серым, белым, и неожиданный возглас: „Ха!“ Это Бьярни Херьюлфссон у рулевого колеса. Чайка, предвестница новой земли, где-то впереди…»

Воспоминания начали расплываться и вдруг мгновенно оборвались. Эверард услышал нарастающий шум, стук копыт, голоса, скрежет металла. Он вздрогнул всем телом, натянул капюшон на лицо, поднял колени и понурил плечи, чтобы выглядеть так же апатично, как женщины рядом с ним.

Из уважения к святыне сирийцы спешились на опушке рощи. Шестеро вооруженных солдат в доспехах последовали за человеком, направлявшимся к теменосу. Подобно воинам, он был в кольчуге и поножах, с мечом на боку, но на его шлеме красовался плюмаж из конского волоса. С плеч ниспадала красная мантия, в руке был жезл из слоновой кости, который он держал, словно щегольскую трость, возвышаясь на несколько дюймов над свитой. Черты лица, обрамленного металлическим шлемом, напоминали алебастровое изваяние работы Праксителя.

Долон торопливо спустился по ступеням и пал ниц. Когда Александр захватил Азию, Восток заполонил Элладу своими обычаями. Рим ждала та же участь, если только экзальтационисты не вмешаются в его судьбу.

«Не вмешаются. Так или иначе, мы этого не допустим».

Булени-Полидор буквально источал энергию.

«Боже, но если они снова ускользнут от нас, оставив в назидание лишь опыт неудачи…»

– Можешь встать, – произнес советник Антиоха.

Он бросил взгляд на людей, что, ссутулившись, забились в угол.

– А это кто?

– Беженцы, господин, – дрожащим голосом проговорил Долон. – Они попросили приюта в храме.

Советник царя пожал плечами:

– Ладно, пусть священник решит их участь. Он уже на пути сюда. Но храм будет нужен нам для приватной встречи.

– Конечно, господин, разумеется.

Подчиняясь резким командам, воины заняли посты по обе стороны от входа в храм и у нижней ступени лестницы. Булени вошел внутрь. Долон приблизился к Эверарду и женщинам, но остался стоять. Видимо, даже в такой жалкой компании он чувствовал себя спокойнее.

«Так. Никомах уже договорился с властями в Бактре. Не исключено, что ему потребовалась помощь со стороны Зоила, но об этом позаботилась Феона. Священнику нужно выйти из города и проведать свой храм. И будет очень кстати, если в храме с ним встретится высокопоставленный вражеский офицер, чтобы обсудить участь святилища. Ведь ни одна из воюющих сторон не хочет разгневать Сотрясателя Земли. Посыльные царей встретились и обо всем договорились. Помимо прочих соображений, царь Антиох знает, что у его советника Полидора есть контакты с недовольными в Бактре, а это обеспечит создание хорошей шпионской сети».

Снова послышались шум и голоса, но уже не столь высокомерные. Долон вновь распростерся на земле. Облаченный в белые одежды, которые, должно быть, здорово мешали при переезде из города на спине мула, Никомах проследовал ко входу. Мальчик-раб вприпрыжку

бежал сбоку, держа над головой хозяина зонт. Следом шел солдат, явно сириец, выделенный для сопровождения. Он и мальчик остановились у входа, а священник прошел в храм, после чего оба присели на корточки и расслабились.

Эверард почти не замечал их. Он сидел, словно ослепленный ярким сиянием висевшего на груди Драганизу небольшого медальона, и Эверард отлично знал, что изображено на его лицевой стороне. Сова Афины. Его собственный двусторонний коммуникатор!

Мир снова встал на место.

«А собственно, почему бы и нет? – подумал Эверард. – Чему удивляться? Они пока хранят молчание в эфире, но, если возникнет необходимость, связь им понадобится немедленно. Булени наверняка тоже прячет передатчик где-то в одежде. Снаряжение Патруля, безусловно, превосходит технику экзальтационистов, и для них вполне типично похваляться трофеями. Да и почему бы служителю Посейдона не воздать должное Афине? В конце концов, это можно расценить даже как дань уважения, учитывая, как часто те двое ссорятся в „Одиссее“. Экуменизм, черт бы их побрал!.. – Эверард подавил в себе усмешку. – Но что же так поразило меня, когда я увидел медальон?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.